

18+

Владимир Зангиев

*В тени
транспарантов*

роман

Владимир Зангиев

В тени транспарантов. Роман

«Издательские решения»

Зангиев В.

В тени транспарантов. Роман / В. Зангиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981021-2

Это политический роман о неистовых 90-х годах прошедшего двадцатого столетия. На примере вымышленного автором провинциального городка в миниатюре раскрыты события, характерные для России того времени. Роман остросюжетный и до конца повествования держит читателя в неослабевающем напряжении. Произведение насыщено красочным описанием окружающих пейзажей, сочными диалогами, обычными для того времени конфликтными ситуациями. Смею утверждать, что скуки читатель не испытает при прочтении этой книги.

ISBN 978-5-44-981021-2

© Зангиев В.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	31
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	55
Конец ознакомительного фрагмента.	64

В тени транспарантов

Роман

Владимир Зангиев

*«Во времена всеобщей лжи говорить правду – это экстремизм»
– Джордж Оруэлл.*

© Владимир Зангиев, 2020

ISBN 978-5-4498-1021-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Исторические у нас здесь места. И природа уникальная. Соответственно, также, и люди особого склада: суровые, дерзкие, сильные. Складывающийся веками образ жизни способствовал выведению подобного типа характера. Это как, если бы селекционер создавал породу с конкретными параметрами, чтоб была более устойчива к любым вызовам. А природа, как известно, есть наилучший создатель. Вон, какие шедевры кругом наворочала твердокаменные! С любой вершины хоть акварели пиши – никогда не пресытишься столь великолепными видами. Здесь невольно уверуешь, что сам Бог, создавая наш мир, приложил в этом месте свою чудотворную длань.

Сверху представляется всё гораздо живописней. Поистине, зрелище завораживающее дух и ни с чем не сравнимое открывается созерцателю. Вот совсем рядом кудрявятся накрахмаленные облака, зацепившиеся за крутые отроги, словно притулились с дороги отдохнуть усталые путники. А пониже террасы зелёных плато расстилаются сочным покровом, и на них белые комочки пасущихся овец смотрятся этакими пушистыми помпонами на цветастом гобелене. Сверкающая лента бегущей реки придаёт динамики пейзажу. Ну и сам воздух бодрит, как молодое вино, вдоволь которым никогда не напиться. И пастух мелкой точкой едва заметен внизу. Тоже мне, возомнил себя здесь хозяином! Вон, над всем этим миром парит в вышине властелин, распластав необъятные крылья. Словно рок, зорким зраком высматривает он добычу и горе тому, кто к нему попадёт на расправу – искромсает в кровавое месиво. Эти когти кинжалами, клюв топором – не оставят надежды бедняге.

Чашу жизни испить каждый должен сполна, хоть какой не была б она горькой...

Если глубже взглянуть на затронутую тему, то начну с того, что регион в геополитическом отношении занимает стратегически важную позицию – здесь находится Дарьяльский проход или по-иному Кавказские ворота, созданные природой в непроходимом хребте Кавказских гор. Через эти самые ворота армии завоевателей, как бурная река, прорывались в ту или иную сторону, сметая шальным потоком всё на своём пути. Образовавшаяся в 1-ом веке нашей эры империя аланов надолго сохранила своё влияние в данном регионе – вплоть до 13 века, когда потерпела сокрушительное поражение от пришедших сюда татаро-монгольских орд. Остатки разгромленных аланов смогли спастись, лишь забравшись в глухие высокогорные места. Но и там на них обрушивались всякие напасти. Пробивающиеся с юга потоки воздушных масс, сталкиваясь здесь с холодными арктическими воздушными течениями, провоцируют возникновение мощных торнадо, гроз со смертоносными молниями, проливных дождей, способствующих губительным камнепадам и гибельным селям, когда целые горы перемещаются с места, хороня под собой всё живое. Ужасный регион, с обывательской точки зрения, и вовсе не для слабых духом людей.

Тут ещё многочисленные воинственные племена и народы, издавна обитающие в этих краях, так и норовят поживиться за счёт соседей. Генетически заложенный код воина до сих пор присущ потомкам аланов – нынешним осетинам, о чём наглядно свидетельствует последняя большая война, именуемая 2-ой мировой, во время которой осетины зарекомендовали себя наиболее отважным народом, представив большее количество Героев Советского Союза в процентном отношении к населению, нежели прочие нации великой страны.

Так вот, в моём повествовании речь пойдёт о событиях, случившихся на памяти нынешнего поколения. Начну с того, что во времена расцвета социализма руководство советской империи уделяло много внимания повышению социального уровня гражданского общества. Урбанизации населения придавалось особое значение. С этой целью практиковалось объединение близлежащих населённых пунктов в единый административный анклав, дабы придать ему статус города. После этого устанавливался общий центр с органами управления, а бывшие

сёла, станицы, посёлки обретали положение районов города. Таким образом, население суммировалось, достигая общей цифры в 50 – 70 тысяч человек. Статус города позволял привлечь дополнительные финансовые средства для развития инфраструктуры и запускать более ёмкие социальные программы.

Подобным образом в горах Северной Осетии однажды возник, ни мал, ни велик, городок с тривиальным названием Белая Башня. И так, был обычный шахтёрский посёлок Белая Башня, стал город с одноимённым названием. Во многих местах на Кавказе с древних времён сохранились такие рукотворные башни, но, как правило, все они сложены из обычного, серой породы, камня, который в изобилии здесь навален. А тут, – надо же! – возвышается над городом неизвестно коим образом образовавшееся белого цвета фортификационное сооружение, ведь нигде поблизости камня белого цвета не наблюдается. Удивительное несоответствие в ландшафте! Это, как если бы неведомая сила пожелала явить на этом месте торжество сверхъестественной идеи над сущим.

На этот счёт живёт в миру молва о сорока девушках. Будто бы произошло всё в период татаро-монгольского нашествия. Эти девушки были захвачены воинами хана на месте разорённого города, какие возводились аланами в мирное время в степях кавказских предгорий.

Монголы сохранили жизнь именно этим девам потому, что они оказались самыми красивыми из захваченных пленниц и достойными пополнить ханский гарем. Всё остальное население было безжалостно истреблено. Ночью захватчики бесшабашно предались празднованию победы. Тогда невольницы высвободились из пут и перебили охмелевшую от изрядно принятого алкоголя охрану, завладели их оружием и конями, и бежали в горы, чтоб обрести там спасение.

Наутро разгневанный хан послал вдогонку вооружённый отряд нукеров. Беглянки заманили преследователей в глубокое ущелье и обрушили на них каменный поток, в результате чего погоня погибла под лавиной на месте.

Аланки понимали, что хан не снесёт такого оскорбления и обязательно пожелает покарать дерзнувших воспротивиться его воле, для чего пошлёт на воительниц новое войско. Девушки решили не сдаваться и на неприступной вершине принялись строить каменную башню, чтоб укрыться за её прочными стенами. Едва они успели воздвигнуть укрепление из разбросанного кругом серого камня, как внизу появилось огромное войско врагов.

Целый день шло кровавое побоище, но штурм не принёс победы монголам. Только у отважных амазонок закончились стрелы и обломались почти все мечи, поэтому целую ночь они молились своему богу Уастырджи, чтоб ниспослал им спасение. Тем временем под стены башни прибыл хан, намереваясь с наступлением утра лично повести рати на решительный штурм и наказать, наконец, непокорных дев.

И когда первые утренние лучи солнца осветили место ристалища, монгольский предводитель призвал войско на стены. Но только он обернулся лицом к башне, как та мгновенно из серой стала пронзительно-белой, от чего хан тут же ослеп на месте. А ворвавшиеся в башню нукеры только и видели взлетевших оттуда в направлении солнца сорок белых голубок. Больше внутри разъярённые захватчики никого не обнаружили.

С тех пор, как утверждает легенда, и стоит в этих местах белая башня, сложенная руками её прекрасных защитниц. И, говорят, в самую тёмную ночь случайно заплутавшие путники слышат здесь доносящиеся с неба девичьи голоса, вселяющие отвагу в души.

Так новое городское образование снискало себе преемственное право именоваться Белой Башней. И мерно протекала там мирная жизнь тружеников: шахтёров, аграриев, животноводов. Однако, наступили суровые времена, когда могучая советская держава стала раскалываться и расплзаться, как ледник на высокой вершине от аномального потепления климата. Народы, будто наказанные богом строители грандиозного вавилонского объекта, в один миг разучились понимать язык бывших своих сограждан.

Надолго запомнятся населению те неистовые 90-е, когда всеобщий хаос, точно болезненный процесс, зарождающийся в голове эпилептика, ужасными судорогами корёжил и пластал поражённое недугом тело общества. Люди уже не шептались робко на кухнях, а откровенно высказывали на улице критические суждения в адрес правящей власти. Кругом запылал инквизиционными кострами горячие точки: Нагорный Карабах, Приднестровье, Баку, Таджикистан... В Чечне и Дагестане объявились до сих пор неведомые моджахеды. Грузины стали бесчинствовать в Абхазии и Южной Осетии... Да мало ли где ещё заискрило. Не осталось спокойного места на некогда мирном пространстве огромной державы. Братки затеяли бандитские разборки за право обладания теми или иными территориями, нередко заканчивающиеся смертными побоищами с применением стрелкового оружия. Местные кладбища пополнились целыми кварталами «новосёлов» преимущественно репродуктивного возраста. Жуть донимала душу, глядя на шеренги могильных плит с нанесёнными на них датами жизни и смерти толком не оперившихся юнцов. Ну что тут скажешь? Только то, что мёртвые срама не имут.

Бывало, проронит какой-нибудь обыватель вслед очередной траурной процессии, закатив умилённо зенки к небу:

– Прибери, Господи, в Царствие Небесное и этого бедолагу!

На что тут же другой зевака, ничуть не смущаясь скорбности момента, кощунственно отзовется:

– Господь не примет этого жмурика! Давно по нему черти в преисподней тоскуют. Знаю я эту сволочь, на рынке он обретался, и драл последнюю шкуру с частных торговцев. Своё получил гад...

И грянувший похоронный марш Шопена осколками противопехотной гранаты вонзится в души, заглушив прочие звуки улицы. Сопровождающие катафалк братки, с похожими на сжатые кулаки физиономиями, мрачно прошествуют к месту упокоения приятеля, чтоб засвидетельствовать личную причастность к скорбящему картелю. Сам дон Корлеоне почёл бы за честь участвовать в подобном содружестве.

Но не будем дальше распространяться об этом. Лучше поведаю, чем закончилась та громкая история с мэром города Белая Башня, в которой и мне была уготована определённая роль. Не зря ведь мама предсказывала мне весьма незавидную участь с таким несносным упрямым характером.

Сегодня у нас вторник. Это значит, с утра в мэрии, где я занимаю по штатному расписанию должность пресс-секретаря, проходит плановое заседание городского актива руководителей. По короткому мероприятию это все называют планёркой. Честно сказать, событие сие рутинное и скучное, но обязательное. Некоторые ответственные товарищи, случалось, что даже засыпали во время заседаний. Всхрапнёт этакий морж с плешивым затылком, и толстыми губами начинает громко причмокивать, словно вспомнил, как в детстве тянул молочишко из материнской титьки. Оглядываются на него, похихикивая, соседи, пока ближайший из них не толкнёт задремавшего локтем в бок. Тот сразу и не поймёт, где находится, и блымкает глупо спросонья глазами на потеху заседающим.

– Видать, весело ночку провёл, старина? – ехидненько прошепчет какой-нибудь остряк, намекая на неприличное, и прыснут сдавленным смешком свидетели приключившегося с оконфузившимся коллегой казуса, уткнувшись физиономиями в плотно сжатые ладони.

– Да я... это... с отчётом полночи просидел, – смущённо промямлит почтенный отец многочисленного семейства. На том инцидент и забудется.

И как тут не заснёшь, когда из раза в раз одно и то же: заслушивать скучные отчёты по текущим городским делам. Тягомотина гнусная! Всё равно, что жвачку продолжать жевать, когда в ней уже весь вкус закончился. Каждый руководитель старается на первый план выпячивать достижения, коих обычно бывает скромное число, а свои промахи оправдать всякими зачастую надуманными «объективными» причинами. Вот как сейчас, например, начальник

городского автобусного парка, дородный мужчина с изрядным брюшком и седыми висками, занудным голосом обиженного двоечника оправдывает хроническое нарушение графика движения городского транспорта тем, что случаются частые поломки на линии устаревшей техники, и из-за нехватки запчастей приходится надолго держать в ремонте неисправное транспортное средство. По этой причине якобы и не хватает машин, чтоб поддерживать график и не выбиваться из расписания движения. Хотя все и так давно знают, что сам начальник пальца о палец не ударил, чтоб как-то наладить в гараже обеспечение этими самыми запчастями. Водитель сам должен крутиться, где-то по одному ему известным каналам добывать, часто не гнушаясь криминальным методом, т. е. воровством, необходимую для ремонта машины деталь. Я лично слышал от шоферов – им начальство прямо твердит: «Тебя автобус кормит, пока ездит. Так и позаботься сам, чтоб твой кормилец поменьше находился в простое!»

Короче, каждый вторник – одно и то же. Начальник ОВД рассказывает басни о том, как успешно его доблестные стражи порядка противостоят разгулу преступности. Это при таком-то беспределе, который творится в городе! Коммунальные службы, представленные на планёрке своими солидными предводителями, валят друг на друга собственные недоработки. То одни им поставки материалов сорвали, то другие задержали с оплатой, и не получилось своевременно приобрести у третьих необходимые конструкции... Руководитель налоговой службы жалуется на то, что все его предписания игнорируются и на местах управленцы не представляют инспекторам точных сведений о доходах производства. А там, в задних рядах зала на добрую сотню мест, заполненного наполовину, разместился самый цвет городской элиты – банкиры, богатые предприниматели, в общем, воротилы большого бизнеса. Шеф в узком кругу называет их курочками, несущими золотые яички. При необходимости он щиплет их холёные пёрышки. Если же кто заартачится, тогда наш патрон, как говорится, отключает такому газ... или свет... а всего эффективней, когда и то, и другое, да в придачу перекроет ещё и воду.

Так и живём – не хуже других! Я тут сижу в первом ряду, отведённом для прессы. Моё место в конце ряда, возле окна. Обычно разваливаюсь в кресле вполоборота к залу – так лучше наблюдать за происходящим. Одним глазом держу в поле зрения выступающих с мест ораторов, другим – слежу за трибуной и восседающими в президиуме. Включаю на запись диктофон, чтоб после в спокойной обстановке составить свой анализ для шефа, сам погружаюсь в собственные мысли.

Рядом со мной суетится команда телевизионщиков из городского информационного центра, подальше – корреспондент местной газеты с одиозным названием «Светлый путь», некогда именовавшейся «Ленинский путь», дальше – представитель муниципального радиокомитета. Иногда среди журналистской братии прибывает коллег – когда наезжают участники столичных либо федеральных медиа, но такое обычно случается в канун каких-нибудь культовых юбилеев или иных значимых событий.

Пожалуй, пора поближе познакомить читателя с героями моего повествования. Прежде всего – это сам я, Сергей Овсянников. За мной прозвище как со школы закрепилось, так и зовут все – Овёс. Работа у меня – не бей лежачего, здорово не перетрудишься, и мне она в самый раз подходит. Правда, когда состоишь в команде такого лидера, как наш мэр, никогда не знаешь, что с тобой может приключиться в любой момент. Мурат Кессаев непредсказуем даже для ближайшего окружения. Не можем привыкнуть, что живём как в окопе на передовой.

И ещё о себе. Обладаю массой вредных привычек, и, в частности, беспрестанно смолю сигарету за сигаретой, также, иногда могу себе позволить напиться до чёртиков. Подвержен хандре. Однако шеф признаёт за мной способность к самоотверженным поступкам и ценит, как специалиста провокационных конкретизаций. Что это значит – и сам толком не объясню, так шеф изначально определил сферу моей деятельности при нём, когда предложил работу. Тогда я это воспринял, как плоскую шутку наделённого неумеренными прихотями высокопоставленного бюрократа. Сейчас стало привычкой находиться подле патрона, освещать его

бурную деятельность во благо народных масс и в любой момент ожидать самых неожиданных и конфиденциальных поручений.

На самом деле, мне и самому любопытно со стороны наблюдать за деятельностью шефа. Я, словно натуралист, разглядывающий диковинного жука, досконально изучил все его повадки. Знаю, в какой момент он может вдруг взбелениться, как норовистая лошадь, и тогда – только держись, никакие поводыя не остановят. Сегодня, по всей видимости, ничего такого неординарного в его действиях не предвидится, ибо провоцирующих на то событий за последнее время не произошло.

Сидит наш Мурат на подиуме в центре стола, устланного зелёным сукном, в ореоле ниспадающих на него солнечных лучей, простирающихся из объёмного оконного витража. Со стороны кажется по внешней отрешённости вида, будто мэр погружён в себя, рассеян, но первым делом любого в нём поражает глубоко пронизывающий сосредоточенный взгляд с характерным прищуром, присущим опытному игроку в покер или высматривающему цель в оптический прибор снайперу. В этом взгляде чувствуется присутствие мысли. Короткая стрижка радикально чёрных, как печной дымоход, волос с подбритыми височками, напоминает знаменитый бобрлик экс-главы Временного правительства Керенского. Только, чтоб подчеркнуть такое сходство, Мурату не достаёт френча военного покроя. Вместо этого на его высокой ладной фигуре, словно на рекордсмене, прославившем победным достижением Отечество, на манер наброшенного на плечи государственного флага обычно свисает фалдами не по моде длиннопольный пиджак из тёмно-синей с лавсаном материи. Из-под такого смокинга небрежно отутюженные брюки свободно ниспадают струящимся каскадом на модельные лакированные туфли.

Порывистость асинхронных движений Мурата создаёт впечатление сорвавшегося с якоря и мечущегося в штормовом просторе парусника. Речь его немногословна в обычном состоянии, произносимые фразы звучат скупно, но веско, как отвешиваемые свинцовые картечины в магазине охотничьих припасов. Зато, когда он загорается какой-нибудь идеей, из его уст несётся поток неудержимого красноречия, вроде лавы извергающегося индонезийского вулкана Кракатау. И эта лава сожжёт всё препятствующее на пути своём.

У него привычка, увлекаясь, в разговоре рубить воздух растопыренной ладонью, что смахивает на действия отъявленного рубаки во время кавалерийской атаки. И весь его облик внушает собой бесшабашность лихого парня. К тому же, часто сжимаемая в кулак пятерня весьма впечатляет размером, несмотря на то, что в развёрнутом виде непропорционально длинные пальцы кажутся тонкими, как у пианиста. Просто этих пальцев в кулаке, будто вовсе не пять, а все десять.

Несколько крючковатый орлиный нос придаёт хищности лицу, а мощная нижняя челюсть свидетельствует об упрямстве и твёрдости характера. Обычно такие натуры бывают упорны и, порой, до навязчивости напористыми.

Суровой мужской красотой веет от его облика. Женщины по достоинству ценят подобных мужчин. Таков наш славный басилевс!

Рядом вальяжно расположился за столом Борис Санакоев – заместитель мэра, тип с мутным прошлым. Он пошляк и от него вечно разит чесноком. В общем, неприятный субъект, но со связями в республиканском парламенте. Собой представляет некое безответное суетливое существо, сродни какой-нибудь кольчатой сколопендре или медной веретенице. Выпученные лягушечьи глаза и впалые, как у узника Собибора, щёки придают изнурённости мученическому выражению физиономии, смахивающей издали на лик иссушенного воздержаниями аскета.

Под глазами его залегли мрачные отпечатки теней, похожие на незажившие гематомы. Если сказать больше, глаза его цветом и игрою напоминают мутную сыворотку, отжатую после приготовления овечьего сыра в убыточном крестьянском хозяйстве. Худосочные жилистые

ручонки всегда расположены вдоль тела и чем-то напоминают холодное оружие, до поры вложенное в ножны.

Прилизанная жиденькая чёлка цвета прелой болотной тины, будто наспех пририсованная фломастером, вяло спадает к правому виску. Одежда всегда свободно болтается на дистрофическом хилом теле, как балахон из мешковины на огородном пугале. Вроде Фунта из «Золотого телёнка» он представляет собой профессионального терпилу, страдающего за прегрешения высокопоставленных своих покровителей. Правда, при виде казначейских ассигнаций невероятным образом Борик преображается и в этот миг кажется, что кванты энергии через промежутки начинают излучать обретшие вдруг окулярную настройку на цель его прозревшие выпуклые зеницы.

А острый, как равнобедренный треугольник, кадык на тощей гусиной шее активно участвует в разговорном процессе, словно индикатор магнитофонной записи на фоновой шкале, колыхаясь в пределах допустимого диапазона.

Непоправимо мелковат размером, как малокалиберная винтовка из досаафовской секции юных стрелков на фоне внушительного арсенала московской Оружейной палаты. Не раз был замечен в сомнительных компаниях субъектов, не ладящих с законом. Скрывает наличие связи с грузинскими радикалами.

Борис когда-то, вроде бы, где-то учился, но никогда о подробностях не распространяется, хотя в личной анкете отдела по учёту кадров значится, что имеет образование высшее. Только название ВУЗа в документе отсутствует.

Вообще, вице-мэр служил в городской администрации ещё при предыдущем главе Георге Хестанове и, обладая неприкосновенностью из-за своего родства с одним из республиканских парламентариев, сохранил за собой освоенное тёплое местечко. Хестанов же после своего низвержения вернулся в родную вотчину, откуда первоначально вышел, – на прежний пост главы администрации района «посёлок Первомайский» города Белая Башня. Там обретается вся его многочисленная родня. Он остаётся затаившимся и непримиримым недоброжелателем нынешнего мэра Кессаева. Ходят слухи, будто Борис Санакоев оставлен Георгом присматривать за новым градоначальником и доносить о всех его действиях в неприятельскую ставку.

Сам бывший мэр – опытный аппаратчик, бывалый партийный работник и искусный интриган. Ему за пятьдесят и на последних выборах проиграл Кессаеву, теперь всякими способами компрометирует административную деятельность последнего. Желает вернуть утерянный пост. Его поддерживает местная элита, олигархи и криминал. Даже милиция и ФСБ на его стороне. Связан с влиятельным главой парламентской фракции либерально-демократической партии «Патриот» Бесланом Кантемировым через его племянника, заместителя мэра Бориса Санакоева.

За плечами имеет юридическое образование и Высшую партийную школу. Личность публичная. Интеллигент с аристократическими замашками. Внешне эффектен и фотогеничен. Обожает раздавать интервью, потому и является любимцем местных СМИ. Всегда одет с иголочки. Благородная седина в бакенбардах и в роскошных пышных усах вкупе с отеческой озбоченностью на челе производят необходимое впечатление на публику. Готов блюсти баланс интересов всех заинтересованных сторон, в частности, олигархов, силовиков, криминальных авторитетов и прочих каст, кроме самого народа. Предыдущим правлением достаточно проявил свои пристрастия, и все знают, что лучше с ним не вступать в конфронтацию – выйдет себе дороже. Патологически злопамятен.

Уверен в том, что его деловые качества недооценены и претендует на большее, например, попасть депутатом в республиканский парламент. Зная его амбиции, и какой пост занимал в городе прежде, перед ним заискивают местные деятели, а он принимает всё, как должное. Привык опираться, главным образом, на силовые и криминальные структуры в своей деятельности. Его любимое выражение:

– Мы отцы народа, потому наше прямое право и наказывать его за проступки!

В общем, авторитетен в определённых кругах. По привычке место занимает в президентском кабинете, и зелёное сукно на столе за долгие годы пропитано потом его пухлых ладоней. Смотрится органично во всём нашем лепрозории.

Внешне выдерживает принуждённый паритет с ныне председательствующим за столом политическим оппонентом.

Крайней от меня за столом на подиуме с озабоченным видом восседает эксперт по социальным вопросам, кандидат социологических наук и правая рука шефа, дама неопределённого возраста, Янина Соломоновна Федермессер. Она, как заправский стенографист, резко и размашисто что-то чиркает в разложенном перед собой раскрытом блокноте. Занятно за ней наблюдать со стороны. Её вечно растрёпанная ярко-рыжая грива волос пламенно полыхает при любой погоде осенним костром на фоне окружающего ландшафта. И не важно в каком календарном сезоне пребывает в настоящий момент обладательница шикарного каре, развевающегося наподобие истрёпанного гюйса не сдающегося врагу гордого «Варяга», тема взлохмаченной причёски всегда источает осенний переполох в рязанской берёзовой роще.

Веснушки ржавого цвета на гипсово-бледном лице кажутся инородным вкраплением и здорово здесь приходится некстати. Зато зелёные кошачьи глаза с чётко очерченным зрачком в середине, убедительно обещают умиротворённости и ласки, которыми непременно сейчас наделит вас сия миледи. И вы невольно начинаете ожидать того, что пушистая нежная лапка коснётся вашей души под убаюкивающее мурлыканье хозяйки, совершенно не опасаясь скрытых в кожных складках остреньких коготков.

Но при близком знакомстве с Яниной вскоре осознаёте, чего стоит эта обманчивая иллюзия, и тогда начинаете ощущать себя перед ней беззащитной мышкой.

Голову она обычно держит высоко поднятой и слегка повернутой в левую сторону, словно прислушивается к пророческому гласу внутри себя, неведомому прочим. Её нельзя назвать безобразной, ибо во внешности всё-таки присутствует ненавязчивая привлекательность, однако вульгарно-алая губная помада на гипсовом лице, и ржавчина веснушек прежде всего бросаются в глаза, невыгодно подавляя облик, от чего общее впечатление складывается не в пользу Янины. В момент душевной встряски эта дама преобразуется совершенно иным образом. Тогда очи её горят испепеляющим жарким огнём, будто бесы раскочегарили преисподнюю внутри этой бестии. Сразу делается неуютно в присутствии такой воспламенённой особы, как вблизи раскалённой битумоварки, грозящей вот-вот опрокинуть своё кипящее содержимое на вас.

Одевается эксперт по социальным вопросам в вельветовый брючный костюм цвета засохшего кетчупа, бывший модным в какую-то прошедшую эпоху застоявшегося консерватизма. Её хроническая неприязнательность в быту выражается не только в эстетике одежды, но и в пренебрежении к своему питательному рациону. Не раз мне доводилось видеть, как Янина совершенно безучастно к собственному желудку, догрызала зачерствевший кусок вчерашней пиццы, запивая давно остывшим кофе. И голос эксперта то льётся журчащим ручейком, а то неожиданно срывается в ураганном порыве, и тогда сквозь шквалы звучат скрипучие нотки болтающейся на ржавых несмазанных петлях калитки. Да и её манеру держаться отнюдь не назовёшь светской из-за резкой жестикующих руками, в которых локтей кажется в два раза больше.

Дух богини охоты Артемиды постоянно присутствует в ней.

Курит мадам Федермессер тонкие дамские сигареты, интеллигентно зажав их, словно пинцетом, прямыми длинными пальцами. И когда она, уединившись в своём кабинете с каким-нибудь проектом, напряжённо размышляет, помещение так плотно окутывается табачным дымом, будто там поставили дымовую завесу для прикрытия высадки морского десанта.

Действительно ум у этой гром-бабы функционирует рационально и чётко, как механическая счётная машинка «Феликс». И именно это её бесценное качество всегда бессовестно

эксплуатировали заинтересованные лица. Янина оказалась-то в Белой Башне ввиду того, что окончательно разочаровалась в людской благодарности. Она во Владикавказе много лет занималась тем, что активно способствовала набору политического веса разным амбициозным деятелям, стремящимся сделать удачную карьеру в высших эшелонах республиканской власти. Благодаря её блестящему анализу ситуации многим удалось, используя грамотные установки, удачно обойти конкурентов и достичь поставленной для себя цели.

К сожалению, люди не помнят, кому зачастую обязаны достигнутым положением. Янину так часто кидали, что ей до чёртиков опостылело трудиться ради тщетных надежд неудовлетворённого честолюбия. Я работал репортёром во владикавказской газете «Суть времени» и по роду профессиональной деятельности нередко общался с Яниной, так что, знакомы мы с ней давненько.

И вот эта мадам однажды в отчаянной безнадёжности решила окончательно завязать со всем этим околополитическим кагалом и ринулась из столицы в глубокую провинцию, чтоб там устроиться простым школьным учителем, да так и провести остаток жизни в тишине и спокойствии.

В Белой Башне ей предложили подходящее место, и она согласилась. Как всё повернулось у неё на новом месте, я позже расскажу в подробностях. А пока вернёмся назад, в зал заседаний, где четвёрка небожителей вершит суд над сущим с вершины городского Олимпа.

Ага, кажется, началось захватывающее представление!

Вышедший к трибуне городской прокурор, советник юстиции 1-го класса, Вайтонис Томас Брониславович из подготовленного доклада принялся извлекать наружу, словно факир из чёрного ящика неожиданные предметы, всем давно известные факты грубого попирания УК. Он аргументированно резал правду-матку во всеуслышание, ощущая себя отважным первопроходцем на кромке кратера дремлющего вулкана, грозящего в любой момент извергнуть кипящую лаву. В задних рядах зароптали предприниматели – наиболее уязвимая часть городской знати пред неотвратимым мечом Немезиды. Это их непосильным трудом, как известно, процветает бюджет городского содержания.

– ...и доложил мне инспектор по контролю за исполнением дорожных работ, что укладка асфальта в дорожном полотне на проходящей по нашему району трассе федерального значения произведена с нарушением технических нормативов. Толщина асфальтового покрытия при замере оказалась на два сантиметра меньше, чем положено. Сумму нанесённого ущерба и утаённых доходов подсчитывают специалисты и в ближайшее время представят со всем раскладом лабораторных замеров и экономическими обоснованиями, – чеканил в упоении ответственный чин таким тоном, как будто только что уличил в гнусном преступлении знаменитого гангстера Аль-Капоне.

Не успел грозный докладчик покинуть подмости, как на лобное место спешно взошёл пышущий от негодования жаром и распирающей плотью, словно распаренная репа, владелец обвинённой дорожно-строительной фирмы, во времена всеобщей приватизации удачно им прибранной к рукам, и срывающимся голосом принялся, заламывая руки, отстаивать шкурные интересы, на ходу придумывая увёртки:

– Всё обстоит совсем не так! Дело в том, что асфальт излишне тщательно укатали катком и к тому же толщину его, замеряли поутру в холодном виде. В течение дня, когда температура повысится и солнце разогреет дорогу, тогда новое покрытие войдёт в кондицию, все показатели примут необходимые параметры. Вот тогда пусть и составляют акт приёмки. Только при мне! Я сам буду при этом присутствовать.

– Ты, Тедеев, нарочно и скрылся с места, как всегда, хотя прекрасно знал о приезде эксперта! – уличал расхитителя уже с места прокурор. – По тебе давно скамья подсудимых плачет.

– Пусть не присылают больше некомпетентных сотрудников, которые не представляют всю специфику асфальтоукладки, – исступлённо отбивался бизнесмен от возникшей угрозы.

Он чувствовал своим не очень натруженным загривком: раз прокуратуре стало известно о его удачно проведённой афере, значит, придётся делиться. Вот только кому и сколько? – пока остаётся под вопросом.

Тем моментом донёсся рассудительный глас отставного мэра:

– Пока мы вот так препираемся и тратим впустую рабочее время, не известно, что сию минуту творится в наших ведомствах в отсутствие руководителей. А с расхитителями всё ясно – пусть ими займётся вплотную прокуратура.

Может оно бы и так. Да только всё дело в том, что именно Мурат Кессаев рекомендовал этого подрядчика и сам завизировал подписанное мэрией с ним соглашение. Это вовсе не секрет и известно всем. Естественно, что и Хестанов проинформирован об этой сделке. Потому и рвёт под собой подмётки, дабы досадить сопернику в политической борьбе. Вот и раздувает конфликт пуше допустимого. Чувствует, змей, что ухватил Мурата за холку.

Но не тут-то было. Я со своего места вижу, как начинают перекатываться узловатые желваки на скулах патрона. А это не предвещает ничего хорошего противнику. Мурат в обычной своей манере рубанул воздух перед собой растопыренной пятернёй, жестом этим обозначив, кто здесь истинный хозяин.

– Значит так, господа присутствующие! Я внимательно выслушал всех выступающих. Теперь послушайте, что вам скажу. Это действительно мой промах, что упустил из вида проконтролировать проходимца. Обойдёмся без кровавых расправ: мой промах – мне и разделяться. Выношу благодарность прокуратуре за бдительность, и прошу дело о хищении пока не возбуждать. Беру на себя ответственность. О ходе процесса по окончании сообщу, – наложил вето на расследование Мурат.

Всё бы тем и закончилось, да только не в данном случае. Хестанов почувствовал гон, глаза вспыхнули охотничьим азартом. Вот она, маленькая жертва, а за ней маячит дичь покрупнее – главный соперник в борьбе за место под солнцем. Как тут отступить от выцеленной мишени? Это просто выше всяких сил. И бывший градоначальник в упоении ринулся раздувать угли тлеющего конфликта.

– Как же так, господин Кессаев! Вы умышленно покрываете расхитителей государственной собственности. Этак никаких фондов не напасёшься, чтоб удовлетворить городские нужды, – брюзжал ревностный блюститель законности.

– Я сказал, всё будет исправлено – и точка! – громогласно, словно Зевс с небес, громыхнул новый мэр, распрямившись над столом во весь свой прекрасный рост, внушительной глыбой нависнув над заседающими в президиуме.

Последней позой он показал, что на этом риторика закончена, все могут быть свободны до следующей планёрки. Зал сразу же наполнился звуками сдерживаемых до поры голосов, грохотом откидываемых на шарнирах сидений, шорканьем ног по ковровому покрытию.

И всё-таки сквозь издаваемый шум я уловил гневную реплику, умышленно брошенную во всеуслышание бывшим мэром:

– Своих покрывает Кессаев! Отыскался на мою голову мафиози...

Хорошо, что Мурат в это время беседовал с кем-то возле двери и не слышал, иначе бы бури не миновать. А может и расслышал да не придал значения. Или сделал вид, будто не слышал? Не так он прост и умеет сдерживать себя до поры...

* * *

Мы вдвоём в кабинете Янины обсуждаем текущие вопросы закончившейся планёрки, выпыхивая в два рта сигаретный дым, который, густо клубясь, поднимается к потолку и растопыряется туманной пеленой вокруг. У неё, как всегда, хлопот не оберёшься. Назавтра нужно распланировать регламент дня шефу с учётом сегодняшних корректировок. Я у себя в блокноте делаю пометки, в каких случаях необходимо моё участие. Коллега, как фронтовой пайкой, делится последними впечатлениями, почерпнутыми с прошедшего форума:

– Сергей, ты заметил, как сегодня распустил хвост этот старый павлин? Тоже мне, блюститель нравственности из загаженного курятника. Решил Мурата клюнуть. Но не на того нарвался, говнюк.

– Шеф, это точно, не даст себя в обиду в этом серпентарии, – удовлетворённо соглашаюсь я, выпуская очередную клубящуюся струю из носа. – Только с Хестановым не всё так просто, поостерёгся бы наш, ненароком нарвётся на крупные неприятности. Гляди, как у того всё схвачено! Многие, как брошенную хозяйскую кость, заискивающе ловят его снисходительные взгляды.

– Пусть ловят. Сегодня не его день – теперь мы подаём убогим, – на миг её глаза сверкнули, будто закатного солнца блик отразился в оконном стекле.

Янина ожесточённо воткнула окурки в переполненную пепельницу, из которой вокруг по столу, заваленному бумагами, рассыпался серебристой горкой остывший пепел. Не пойму, как до сих пор при таком нарушении противопожарной безопасности мы ещё не спалили мэрию. Наверное, всё же существует заступник и по наши души, простирающий заботу о подопечных.

– Серёжа, ты точно отметил у себя, что завтра без четверти пятнадцать нужно быть обязательно на дамбе? Туда приедет комиссия из технадзора оценивать степень разрушения от весеннего паводка. Будет ещё представитель республиканского казначейства – прислали на месте разнюхать во сколько реально обойдётся устранение стихийного бедствия.

– Ну что ж, пусть собственным оком оценит ущерб. Свой глаз – алмаз!

– Да нет же. Как раз и не нужно проявления его инициативы. Мурат поручает тебе заняться охмурением финансиста. У нас уже всё рассчитано и никак нельзя уступить, иначе появятся дыры в городском бюджете. Так что, ты уж постарайся его ублажить. Сводишь в хороший кабак. Сумму на представительские расходы на тебя уже выписали – зайдёшь в бухгалтерии в ведомости распишешься.

– А что ему надо подсунуть на подпись?

– В том-то и дело, что никаких официальных бумаг на сей раз. Ты просто очаруешь его своим обаянием и щедрым угощением. И это всё.

Я, было заартачился, мол, не стриптизёрша же, в самом деле, чтоб собой сводить мужиков с ума. Но, в конце концов, мне польстило, что столь высоко оценили моё внутреннее содержание. Пусть хоть комплекцией не вышел, и белобрыс с бесцветными, как вылинявшая простынь, глазами на округлом по-детски лице с вызывающе вздёрнутым носом, напоминающим картофельный клубенёк достаточного для посадки размера – так далёк от модельной внешности, а поди ж ты, считаются! И ведь сохранился каким-то образом на щеках румянец, присущий купидонам, коих в начале прошлого века изображали на рождественских открытках. Пожалуй, только измаявшиеся в ожидании очередности к парикмахеру соломенные патлы запущенностью несколько вредят общему образу примерного паиньки.

– Ну, ладно! – говорю. – Замётано. Будет к вечеру, как огурчик, ваш заезжий представитель.

Туман табачный сгущался. Мы ещё какое-то время покалякали ни о чём, когда по внутренней селекторной связи прозвучал голос секретарши шефа Ирочки, разыскивающей меня:

– Янина Соломоновна, случайно Сергей не у вас?

– Да, здесь он. А что?

– Его мэр срочно к себе вызывает.

– Хорошо! Будет сейчас.

Пришлось только что начатую сигарету, не докурив, поспешно сунуть вглубь громоздящейся над пепельницей горы окурков. И я обречённо побрёл в логово шефа. Там наступил тот момент, когда достигла высшей точки накала сцена вершащейся расправы. Мурат сидел, взгромоздившись, на столе с перекошенным набок галстуком и метал вокруг грома-молнии,

грозно вращая налившимися кровью белками. Его трясла холодная ярость. А перед ним униженно замер, как провинившийся шалунишка, тот самый асфальтовый ворюга, по вине которого возник конфликт на планёрке. Видно было, как весь измаялся бедолага, уличённый в содеянном безобразии, но по виду совсем не походил на кающуюся Магдалину. Его обрюзгшая ряха позорно тряслась от безысходности положения. Толстяк всеми фибрами души жаждал уменьшиться до размеров мыши и шмыгнуть куда-нибудь в щель, лишь бы стать незаметным. Его пороссячи глазки бегали, как маятник на часах, из стороны в сторону. Лоб жирно лоснился от выступившей липкой испарины. И никаких звуков не исторгало это рыхлое безропотное существо, разве что временами доносилось надсадное сопение, какое очевидно слышали зеваки, сопровождавшие тащащего тяжкий крест на Голгофу беднягу-Христа.

Мурат кивнул в сторону стула, чтобы я туда сел и сам продолжил распекать расхитителя:

– Ты думал, что самый умный, да? Всех обвёл вокруг пальца. Ан нет, бродяга, попался! Теперь у меня на крючке. Не отвертись. Я раздавлю тебя, как козявку. Кого ты собрался обобрать? Своих же земляков. Но чёрт бы с тобой, только я наивно тебе доверился. Ты, Тедеев, подорвал во мне доверие к людям. Некоторые так и думают теперь, что я с тобой заодно – поделили между собой наворованное и в ус не дуем. Ну что будем делать? У тебя есть семья?

– Да, – слегка оживившись, едва подал голосок одеревеневший со страха оболдуй. – Двое ребятишек с женой, да престарелая мать на руках.

– Осиротеют они без тебя. Совсем несчастными останутся. И тебе, конечно, не позавидуешь. Посмотри на свою комплекцию – таких на зоне любят, там вместо женщины достанешься похотливым сидельцам.

– Не надо, Мурат Черменович, я не выдержу наказания. Дайте время исправиться, – жалобно взмолился запуганный аферист.

– А на кой ты мне, чтоб тебя выгораживать? Умыкнул из городской казны, считай, миллион! Кто будет возмещать сумму убытка?

– Я сегодня же верну этот миллион.

– Ну, нет, дорогой. Так не пойдёт. Это тебя поймали на миллионе, но по всему видать, ты парень не промах. Не сомневаюсь, что не раз наваривался за государственный счёт. Признайся, ведь утаивал истинные доходы, чтоб поменьше платить налоги! Ну, было же, было?

– Вы же знаете, все так делают.

– Значит, договорились, – подвёл итог разговору Мурат. – Внесёшь в казну мэрии три миллиона – и дело с концом. Будем считать, заслуженное наказание понёс. Сейчас же зайди в бухгалтерию и оформи платёжку на эту сумму, вроде как делаешь жест благотворительности на нужды города. Деньги чтоб не позднее завтрашнего числа оказались у нас на балансе, иначе я с тебя живём шкуру сниму.

Шеф кивнул на меня и добавил:

– Завтра Сергей мне доложит о выполнении тобой обязательства. Посмотрим, как ты слово держишь. А сейчас пошёл вон, и больше не попадайся мне на пути. Второй раз не помилю.

На негнущихся ногах, словно на лыжах по оттаявшему асфальту, с трудом проелозил прохвост до двери и разом, как пробка из шампанского, выскользнул вон, чтоб больше здесь никогда не появиться. Навсегда теперь будет знать Тедеев, что там, где Мурат Кессаев, не получится урвать себе жирный кус. Я смотрел на закрытую дверь и думал: «Только что какой-то заживший хряк осквернял своим присутствием окружающее пространство, и нет его больше – исчез в дверном проёме, как персонаж третьего плана, удалённый со сцены, после исполнения им проходного эпизода, о котором публика в зале никогда и не вспомнит. А без него никак не обойдёшься, ибо добро и зло всегда шествуют бок о бок, уравновешивая силы противоположностей в мире».

– Жёстко, Мурат, ты с ним обошёлся, – с едва скрываемым восхищением заметил я. – Надолго запомнит милость твою.

– Ничего, впредь будет наука. Пусть крепко уяснит себе, что красть нехорошо. Поди, в школе когда-то этому учили.

– С этим прохвостом всё ясно. Вот только твой главный конкурент имеет лишний повод уколоть. Хестанов же на каждом углу будет распространять гнусную ложь о том, что ты в доле с этим типом. Видал, как он на планёрке кипишь поднял?

– Ничего, придёт время – посчитаемся ещё!

– Никак не возьму в толк, зачем тебе нужно собирать всю эту шоблу на планёрки? Ведь текущие дела и так, в процессе исполнения, тебе известны – сам всё контролируешь. К чему выслушивать лишний раз давно известное, зачем все эти отчёты, доклады, признания?

Укоризненно взглянув на меня исподлобья, Мурат направился к своему креслу за столом, и только удобно устроившись в нём, раздумчиво ответил:

– В этом-то и весь смысл, чтоб держать их в узде. Так надо, чтоб эти сволочи чувствовали кто здесь хозяин. Пока я занимаю этот кабинет, будут плясать под мою дудку! Пусть изволят ходить сюда на поклон.

– Так зачем ты меня вызвал к себе? – вопрошал я, вспомнив причину своего появления в апартаментах патрона.

– Видишь ли, мой дорогой друг, выродок, который только что освободил от своего присутствия мой кабинет, должен знать о наличии свидетеля его морального падения. Чтob не думал, будто со мной можно договориться с глазу на глаз. И другие чтоб так не думали.

– Молодец! – выдохнул я с притворным негодованием. – Здорово придумал. Будет повод от меня избавиться.

– Не понимаю... Что хочешь этим сказать? – встревожился мой визави.

– Да то, что нежелательного свидетеля обычно убивают!

– Ха-ха-ха!.. – прогремел Мурат раскатистым басом. – Тоже мне, испугался какого-то слюнтяя. Он же собственной тени боится.

– Дело не в нём. Я говорю обобщённо. Кто-то другой может захотеть отправить душу мою на небо.

– Много о себе возомнил. Нам с тобой давно приготовлено место в преисподней. А вообще, я плачу тебе и за риски тоже. Цени, охломон.

Это правда. На заработок мне грех жаловаться. И двухкомнатную квартиру, что мэрия предоставила для жительства в Белой Башне, я давно уже приватизировал. Однако Мурат понимает, что состою я в его команде не ради хорошей зарплаты, а исключительно из идеологических предпочтений. Мне импонирует его бескомпромиссный стиль руководства и вдохновляет нацеленность на развитие гражданских инициатив во благо всенародного процветания.

– Если серьёзно, то мне всё ясно – не впервой приходится становиться заложником твоих авантюрных идей. Но, в общем, я их разделяю. Всё будет исполнено, как по писаному, – подскочил я со стула и дурашливо по-военному прищёлкнул каблуками.

– Благодарю за доверие, – усмехнулся Мурат.

– Рад стараться! – не остался в долгу я. – Ну, тогда я пошёл. До завтра!

Сегодняшний мой рабочий день завершился без каких-либо эксцессов и я, не особенно заморачиваясь рабочей текучкой, отправился в сторону дома. Благо, холостяцкая моя берлога расположена в двух шагах от места работы. Надо ещё зайти по пути в булочную и купить свежего хлеба с какими-нибудь плюшками к вечернему чаю. Да и полезно немного пройтись ножками после офисного просиживания над кипами документов, свежим воздухом подышать после спёртых помещений.

С домашнего телефона позвонил Наталье, но её не оказалось дома. Потом вспомнил:

– Так она же предупредила, что с сегодняшнего дня на месяц уезжает в Москву в командировку. Мама её за квартирой и внуками присмотрит всё это время.

Ну, тем лучше. В последнее время между нами будто кошка пробежала – постоянно грызёмся между собой. Надоело! А всё из-за того, что заладила одно и то же, мол, надо определиться с нашими отношениями наконец. Но должна же понять – я не собираюсь жениться, тем более на ней. Нет-нет, Наталья – баба порядочная и всё такое. Только зачем обременять себя несвойственными мне заботами. У неё двое детей школьного возраста от погибшего мужа остались. Она никак в толк не возьмёт, что ребята уже достаточно повзрослели и не воспримут в семье чужого дядьку. Да и мне самому, откровенно говоря, ни к чему из себя разыгрывать добропорядочного семьянина – не созрел ещё до такого статуса. Даже не представляю, как вести себя в семейном кругу, где я бы являлся главой. Это значит, придётся отказаться от обретаемых годами привычек. Вот сейчас, например, хочу и лежу себе в обуви на диване с банкой холодного пива. Скоро начнётся трансляция хоккейного матча по телевизору – буду смотреть. Борьба за обладание кубком Стенли – это, знаете ли, не в бирюльки играть. Здесь столько эмоций выплёскивается! Впрочем, Наташа никогда не разделяла моих пристрастий.

В общем, для меня важно иметь своё личное пространство, и чтоб туда никто не смел совать нос.

В своей холостяцкой квартире я могу свободно поразмыслить над текущими делами. Сегодня был жаркий день на работе. Стоит об этом подумать. Опять наши недруги разворошили головёшки в топке тлеющей кочегарки. Только Мурата все их поползновения лишь бодрят и держат в тонусе, как бойца смешанных единоборств накануне решительного поединка провокационные возгласы противоположной стороны. А Кессаев боец искушённый. Политическая борьба – это вовсе не потасовка на ринге, где строгий рефери педантично следит за соблюдением установленных правил. В политике напрочь отсутствуют какие бы то ни было законы жанра, там нет даже элементарных понятий морали и благородства. Всё регламентируется исключительно текущими интересами. Поэтому каждый участник готов беспощадно шагать по головам других к намеченной цели.

Только Мурат качественно отличается от всех. Во-первых, он, вопреки сложившейся традиции, благодаря исключительно личным качествам достиг высокого положения в карьере. Являясь выходцем из обычной крестьянской семьи, он не имел высокопоставленного родителя, который бы заранее предопределил жизненный путь сына, и обеспечил бы ему успешный карьерный рост. Мурат самородок и постом мэра провинциального городишки не ограничиваются его амбиции. В нём сокрыт политик более значительного масштаба. С таким глобальным мышлением просто не может быть иначе. Лично я его уважаю за волю в отстаивании собственных идей и приверженность принятым принципам. Он ни за что не отступится от намеченной цели. В этом его суть. Таким я его знаю на протяжении вот уже... Сколько же лет мы знакомы? Пять, семь... нет, кажется, все восемь.

При каких обстоятельствах произошло наше знакомство? О! С тех пор столько воды утекло, и мы с Муратом вместе, точно, пуд соли съели. Да-да, давненько это было. Я тогда работал во Владикавказе репортёром в газете «Суть времени». Эта деятельность не каждому подойдёт: много беспокойства, да и частые командировки порядочно изматывают. Но мне это кстати. Причина кроется в том, что с матерью не могу ужиться под единой крышей, поскольку постоянно пытается меня окружить безмерной заботой. Тошнит от всех этих нравоучений. Тут ещё с ней заодно эта старая лесбиянка Валентина. Я-то знаю, они давно с матерью однополый любовью утешились. Ещё с тех пор, когда Валентина работала медсестрой в нашей поликлинике посёлка Колонка. Это в пригороде Владикавказа.

От матери столько раз слышал ту душеспитательную историю, как они познакомились. Мамаша тогда сильно болела после трагической гибели моего отца. Она была молодым специалистом и по окончании Свердловского пединститута получила направление на работу в Север-

ную Осетию, где и преподавала в школе русский язык и литературу. Здесь она встретила свою любовь – бравого военного лётчика и оба воспылали взаимным чувством. Только брак не успели оформить официально: отец насмерть разбился во время одного из полётов. Много раз спрашивал, почему не осталось ни одной фотографии папы. На что мать всегда отмахивалась, мол, всё так быстро произошло, что не успели сфотографироваться. Быстротечная любовь и всё такое. Говорят, в их время ещё не было в стране так много фотоаппаратов, как сейчас, и поэтому люди не очень часто запечатлевали себя для потомков. Тем более, это сложно было сделать человеку, занятому большую часть времени на службе.

Почему-то могилу отца мать никогда не посещала, мотивируя тем, что уж очень ей тяжки те давние воспоминания, когда возлюбленный был весел и жив, а потом вдруг его не стало. От переживаний мать сильно тогда заболела и слегла в постель, а Валентина её выхаживала. Мать даже на похоронах возлюбленного не присутствовала – не могла поверить в случившееся. Во всяком случае, мне так объяснила. Да и родственники отца её не воспринимали в качестве гражданской жены. В те консервативные времена в обществе сильна была приверженность моральным принципам.

Так я и вырос безотцовщиной, под опекой двух мамок – своей собственной биологической и обретенной волею обстоятельств. У Валентины другой семьи никогда не было, и меня она воспринимала, как своего сына. Да чего там греха таить, я тоже её любил наравне с родной матерью. Только от их чрезмерного любвеобилия меня иногда тошнит. Посудите сами, я с детства мечтал, как отец, сделать карьеру военного. Только по окончании школы эти две заботливые няньки так насели со своими мудрыми советами, дескать, запрут меня в какой-нибудь захолустный гарнизон у чёрта на куличках, где с тоски весь свет проклянёшь. Потом поздно будет локти кусать. Уж лучше пойти по материнским стопам. Оно спокойней, да и образованному человеку в обществе выказывают уважение, что можно, при желании, достойную карьеру сделать и в гражданской жизни.

Убедили меня старые перечницы, и пришлось без особой охоты податься на филфак образовываться. Как это происходило на практике, и вспоминать не хочется. Одни только тусовки студенческие чего стоили.

Было особым шиком в определённом кругу великовозрастных шалопаев легкомысленно пропускать лекции, проводить время в беззаботности и неге, прожигать стипендию и зарабатываемые ночами на разгрузке железнодорожных вагонов гроши в кабаке или тратить на девиц с пониженной социальной ответственностью. (Да простит меня Алла за такое фривольное поведение.) А потом, обычное дело – заваленная сессия и лихорадочные пересдачи.

Помню, был среди нас один вечный студент, который за шесть лет учёбы никак не мог продвинуться дальше второго курса. То его в армию забирают, а то отправляется в академический отпуск по различным уважительным причинам. Его и отчисляли, но парень каким-то неведомым образом снова оказывался на факультете. Иногда над ним подсмеивались однокашники:

– Похоже, Андрюха, ты до пенсии не обзаведёшься дипломом!

На что тот беззаботно отшучивался:

– Учусь я не ради корочки. Мне нравится сам процесс!

Даже в общаге суровый комендант, отставной майор интендантской службы, замучился изгонять прохиндея. Тот обитал на казённой территории, словно неистребимый таракан прусак, коими обычно изобилуют подобные места коллективного проживания. Должностное лицо при очередной встрече на ведомственной площади с пронырливым студентом, кривило физиономию, как при желудочных коликах, и занудно причитало:

– Ей богу, Андрюша, вы как тот татарин: ты его – в дверь, а он – в окно.

Нахальный жилец лишь мило улыбался в ответ. И продолжал где-то ютиться, затерявшись среди анфилады гостеприимных комнат. Видимо, с тех пор, когда незабвенный товарищ

Бендер нелегально проживал в комнате Иванопуло в общежитии химиков имени монаха Бертольда Шварца, ничего не изменилось в студенческой среде.

Мне и самому не раз после коллективной попойки приходилось оставаться ночевать у друзей в этой общественной ночлежке. А какие мы там справляли весёлые юбилеи! Естественно, студенческие, вроде тех, когда кому-то удавалось разделаться с многострадальной задолженностью. Или, когда в солидарность с приятелем, приходилось заливать горячительным заиндевевший айсберг его откочевавшей в океан безнадёжности неразделённой любви. По поводу амурных походов я лучше не стану распространяться. Эта тема, по определению, неисчерпаема. В семнадцать лет я даже однажды заявился с подружкой в семейное логово и объявил, что намерен жениться. Мы и спать вместе улеглись в моей непорочной постели. Мать с Валентиной до утра тогда опорожнили целый флакон валерьянки под слёзные причитания: «Мальчик наш вырос!» Благо, что наступивший день вернул разум в мою протрезвевшую черепную коробку, и девица ушла незамужней в неизвестном направлении. Больше и сам я её не встречал на своём горизонте.

Я не был прилежным студентом, грамматика учебного процесса плутала вне правил в моей голове. На почве непонимания в семье обозначился разлад. Матриархальный патронаж активизировался в отношении меня. Ввиду явного феминистического превосходства капитуляция моя была предопределена, разве что оставалась надежда на упреждающий маневр. Настал тот решительный день, я уже завершал третий курс, когда окончательно понял, что филология это не моё. Не хотелось расстраивать обеих моих опекунов, но и дальше продолжать насилие над собой уже не оставалось терпения. К тому же отношения с Аллой, уехавшей на учёбу в другой город, сошли на нет по неведомой мне причине. И я по-тихому сдал документы в военкомат, в результате чего меня упекли на два года в отдалённый Забайкальский военный округ, где довелось просиживать галифе в штабе полка ПВО на должности писаря. Даже из автомата ни разу так и не довелось стрельнуть. Правда, за добросовестную службу начальство по достоинству отметило моё усердие, отправив на дембель с ефрейторской лычкой в погоне. На том и закончилась моя ратная служба.

На филфак я больше не вернулся. Как ни старалась меня убедить мать, я был непоколебим, как блистательный генерал Плиев перед решительным рейдом во вражеский тыл со своей конной дивизией. Военную карьеру мне тоже расхотелось делать после того, как своими глазами узрел все прелести солдатского быта. Опостылело хуже горькой редьки это беспробудное пьянство офицеров, насилие над личностью и показушные проверки боеготовности подразделений, заканчивавшиеся непременно загулом командного состава. Позже Чечня показала цену всей этой бутафорской мощи и несокрушимости. Видимо, вовремя мы убралась из Восточной Европы, иначе позор был бы ещё масштабней, когда бы нас оттуда силой выдворили.

Как-то так случайно вышло, что один школьный приятель предложил однажды:

– Овёс, ты сочинения лучше всех писал в классе, да и на филфаке учился. Давай к нам в газету, пока есть вакансия свободная. Редактор как раз ищет репортёра. У нас и заработки не хилые.

Стукнули мы по пьяному обыкновению руками и дело с концом. Я тут же успешно забыл о заключённой сделке. А наутро будит меня телефонный звонок. Я ещё не успел проспать. Протираю глаза, а из трубки укоризненно раздаётся:

– Ну, что ты, Серёга? Мы же вчера договорились. Я жду тебя с самого утра. Уже с шефом насчёт тебя переговорил. Он одобрил твою кандидатуру. Так что, ждёт на собеседование после обеда. Приезжай к двум часам.

У меня лихорадочно завертелось в голове, словно кто-то крутил калейдоскоп с разноцветными стекляшками. Проблеял неуверенно в телефон:

– Олух, что ты наделал! Всё это как-то неожиданно. Да и сроду я не работал газетчиком.

– Ну, ты даёшь, – опешил приятель. – Только вчера с тобой обо всём договорились. Тебе же объяснил, что первое время сам над тобой буду шефствовать. Редактор у нас с понятием. С ним поладишь легко. Короче, я жду к двум часам...

Со временем работа затянула, и в ней нашлись свои прелести. Главное, в творческом коллективе преобладают свободные нравы, а это мне больше всего подходит. И всегда варишься в гуще событий. Не заскучаешь! Разные лица мелькают перед тобой, посвящён всегда во многие тайны мира. Как говорится, допущен к особам королевской масти, а также, к сугубо конфиденциальной информации. Многие известные личности начинали себя проявлять именно в качестве газетных репортёров.

Только последнее не про меня, поскольку моей натуре совершенно не свойственно понятие честолюбия. Меня абсолютно не интересует продвинут ли по служебной лестнице. Я, как банный лист, присыхаю к единому месту, и не желаю покидать его ни за что. Особенно мне не нравится повелевать другими. Гораздо спокойней ведь отвечать исключительно за себя.

В суть дела вник быстро. Скоро от сочинения небольших заметок и обработки поступающих от внештатных корреспондентов материалов перешёл к более серьёзному. Наш главный редактор Николай Ковитиди, сам из понтийских греков, оценил моё усердие и стал отправлять на задания: взять интервью у того или иного официального лица либо сделать репортаж с места какого-нибудь значимого события. Так и поднаторел я на журналистской ниве. Кстати, тогда-то и познакомился с Яниной Федермессер. Она всю блистала в политическом бомонде и весь республиканский истеблишмент домогался её благосклонности. Элита строила глазки перспективному кандидату социологии, обладающему высокой степенью интеллекта. С ней водили знакомство известные деятели и начинающие политики. Дружба с такой шельмой сулила очевидный выигрыш. Она была хваткая дама. И непревзойдённый мастер большого пиара. Виртуозно организовывала публичные скандалы, благодаря которым её протезе вскоре оказывались в самых высоких креслах. Как-то в газете «Суть времени» Янина проводила акцию по дискредитации одного из парламентариев. Так она столько нарыла на беднягу компромата, что в буквальном смысле смешала его с грязью. Мне пришлось с ней тогда тесно взаимодействовать. Случилось всё так. Ковитиди вызвал меня в свой кабинет, размером с главную сцену Большого театра, и поручил оказать всяческую помощь в подготовке к публикации её статей.

Достаточно наслышанный к тому моменту об этой экзальтированной особе, я попытался было увильнуть:

– Николай Евгеньевич, вы не боитесь за жизнь своих сотрудников? Это же не женщина, а форменный крокодил – проглотит любого и следа не останется.

– Ничего, я тебя вдохновлю, – обнадёжил шеф. – Если что, мы тебя навечно зачислим в списки личного состава редакции, увековечив как безвременно канувшего за общественные интересы. Даже поминки справим за счёт месткома – повеличаем на прощание. Почувствуй себя Христом!

– Как говорится, вашими устами да мёд бы пить. Только я почему-то себя ощущаю жертвенной овечкой, а не Иисусом. Или Исааком, которого родной отец в жертву принёс.

– Ну, ты кем хочешь себя ощущай, только заранее предупреждаю: с этой дамой веди себя корректно. Пусть она почувствует наше участие к её персоне. С ней лучше не иметь разногласий. За спиной этой женщины целое кладбище политических трупов. Надеюсь, Овсянников, ты уяснил мою установку. Выполняй!

Мне ничего другого не оставалось, кроме как с распостёртыми объятиями принять Янину Соломоновну в своём офисе. Помню, долго я промаялся в ожидании важной визитёрши, не имея представления как ей получше подать себя. Только она ворвалась таким шквальным ураганом, что мир, словно в воронке торнадо, завертелся вокруг. Перед моим взором замелькали аргументы, факты, истории. Гостя, как заправский комедиант, всё представляла в лицах: я только успевал записывать.

– ...видишь, Сергей, на той фотографии пьяная компания за столом, – госпожа Федер-мессер совала мне под нос любительский снимок с нечётким изображением. – Это воровская сходка. Вот, в центре сидит Вячеслав Иванов по кличке Япончик.

– Да, вижу. Его физиономия не раз мелькала в центральных изданиях в разделе уголовных хроник.

– Тот, что справа от вора – это недруг моего подопечного, депутат нашего парламента. Не могу озвучить имени своего клиента, поскольку лицо официальное и на него не должна пасть тень. А этот парламентарий замаран порочащими связями.

– Но тут лицо совсем невозможно рассмотреть, – старательно приглядывался я к фото. – Да и голова немного опущена. Что, если опороченный гражданин захочет отстоять своё доброе имя? Любой суд примет его сторону.

Янина таким испепеляющим взглядом обдала меня, что я почувствовал жар мартеновской печи, исходящий от её кипучей натуры. Она знала, что делает! И перечить её воле было чревато. Можно запросто превратиться в жалкую кучку золы от её пламенного темперамента. Я тут же отчётливо уяснил отведённую мне роль: строго держаться нейтралитета и исправно выполнять свои профессиональные обязанности.

– С этим сама разберусь. Под статьёй моё имя будет обозначено – мне и держать ответ. Обещаю, репутация вашей газеты не пострадает.

– Да-да, конечно, – поспешил я заверить её в своей лояльности. – Вам виднее. Я лишь хотел обратить ваше внимание на возможность возникновения проблемы.

Но Янина уже была на другом витке спирали торнадо. Она, словно стихийное бедствие, сама раскручивала головокружительное завихрение, разбушевавшимся бесом скача в смертоносном потоке. Как будто издали донеслось:

– Пока суть да дело, предвыборная кампания завершится. А после драки поздно махать кулаками. Мой оппонент будет размазан по стене и дело с концом. Сергей, ты пока этот материал готовь. Немного погодя будут ещё!..

В тот раз, как, впрочем, и в других случаях, Янина привела в исполнение своё обещание. Жертва её притязаний больше никогда не напомнила о своём существовании. Так над головой утопленника смыкаются чёрные воды, а от разбежавшихся кругов вскоре не остаётся следа на поверхности. Судебный процесс так и не был инициирован. Просто имя несостоявшегося деятеля больше никого не интересовало, чтоб привлечь к нему внимание. В этих случаях говорят: поезд ушёл!

Несколько лет Янина Соломоновна бесчинствовала в публичном пространстве республиканской столицы, а затем, как насытившийся чужой кровью Дракула, внезапно исчезла и больше не задавала тон политическому мейнстриму во Владикавказе. Поговаривали, будто она отошла от дел, исчерпав себя на арене клановых междоусобиц враждующих группировок, где, по сути, ей отводилась роль всего лишь орудия достижения власти в республике. Может быть, действительно Янина заслуживала большего, только в жестокой борьбе никто не учитывал её интересов, ведь за спиной у неё не стоял авторитетный клан сподвижников. Она всегда оставалась одиночкой, как матёрая волчица среди таёжной чащобы.

* * *

Тяжёлые времена начались на Кавказе, особенно когда в 1994 году разразилась чеченская война. Вся страна погрузилась в хаос. Многие оказались безработными. К счастью, газета наша уверенно держалась на плаву, ибо щедро финансировалась из государственных источников. Иначе и не могло быть, ведь любой власти необходим рупор, вещающий в массы отфильтрованный тщательным образом информационный поток. А Ковитиди всегда держал нос по ветру.

Часто в тот период менялись политические предпочтения правящей власти, газетчики терялись в выборе установок, коих следовало придерживаться в рамках печатных публикаций.

Однако наш главред каким-то неведомым образом правильно ориентировался во всей этой чехарде.

Именно в этот шаткий период в редакции «Сути времени» появился однажды гражданин внушительной наружности с ухватками сельского недотёпы. На нём был мятый костюм отечественного пошива с потёртыми на рукавах пиджака локтями и вздутыми пузырями вытянутых коленей на невыглаженных штанах. Пожалуй, клоун Никулин в своём сценическом образе Балбеса, по сравнению с нашим посетителем, выглядел гораздо предпочтительней. У этого, к тому же, галстук отсутствовал, отчего невыгодно открывался вид на исподнюю часть воротника несвежей рубашки. Да и благоухание от него разносилось отнюдь не французского парфюма. Пришелец не претендовал на презентабельность. В его лице преобладало заискивающее выражение и глубокая неуверенность. Весь облик хранил печать заскорузлой наивности и, где-то, даже той самой простоты, о которой известный классик сказал, что она хуже воровства. И в то же время, в чертах его простоватого лица улавливались глубоко запрятанные бульдожья хватка и непомерное ослиное упрямство.

Тогда ещё я это заметил в Мурате Кессаеве. Так случилась наша первая встреча. Я сразу догадался, почему Ковитиди этого своего посетителя препроводил ко мне. Хотел побыстрее избавиться от него. Кому охота расхотеть драгоценное время на заведомо нереспектабельного клиента. Не нужно было ничего объяснять, по одному только приторно-обходительному выражению физиономии главреда читалось, что этого назойливого типа следует навсегда отвалить от нашей редакции. Рабочий день подходил к концу, и я особенно не заморачивался каким образом буду отделяться от незнакомца.

– Сергей, познакомься с товарищем. По-моему, он интересные идеи излагает. Это по твоей части, – изрёк шеф с интонациями гробовщика, вбивающего последний гвоздь в предмет своего попечительства.

Я любезно предоставил Мурату возможность расположиться за моим столом и озвучить свои идеи. Из изрядно потрёпанной сумки, с какими мы в школьные годы бегали на тренировки в спортивные секции, он извлёк внушительную стопу рукописных листков и выложил их на стол.

– Что это? Вы написали роман своей жизни? – простонал я, представив какую уйму времени пришлось бы потратить на выслушивание столь объёмного произведения. Хотя подобные прецеденты уже случались и, ссылаясь на малый газетный формат, удавалось без труда выпроваживать подобных романистов.

Мурат не повёл и бровью:

– Что вы! Я не пишу романов. Здесь перспективный экономический проект, направленный на развитие нашего региона и повышение благосостояния его граждан. Если следовать моим расчётам, то появится столько рабочих мест, что придётся привлекать в республику дополнительные силы, задействовать инвалидов-чернобыльцев с афганцами, пенсионеров и т. д. Эффект от проекта таков, что Северная Осетия из дотационного субъекта федерации обернётся в прибыльный.

– Любопытно узнать, коим образом можно достичь в нашем положении успеха, который вы прочтёте? – так, чтобы только протянуть время до окончания трудового дня, без особого энтузиазма поддержал я благородные порывы соотечественника. Всё же благое дело затеял он, и беззаветно печётся о всенародном благе. Безответственно будет с моей стороны не выслушать его. «Пусть выскажется чувак!» – решил я для себя.

Дальше мой собеседник принялся раскладывать перед моим носом многочисленные проекты различных производств со схемами функционирования, эскизами расположения цехов с привязкой к местности, графиками материалообмена между смежными подразделениями связанной в единую систему экономической модели. Как Эйнштейн, бесспорно, он знал толк в своём деле.

Заскорузлым пальцем крестьянина с вьевшейся коричневой окантовкой вокруг ногтя, он тыкал в аккуратные столбики цифр со своими расчётами и в формулы, применённые при этом. В ход пошли выдержки с нормативами из технических справочников.

У меня двинулась кругом голова от потока такого количества аргументов со всеми бесспорными обоснованиями. Я чувствовал себя откровенно профаном во всей этой истории. Мне и в школе не давались точные науки. Во мне вовсю властвовал неистребимый гуманитарий. Стрелки часов на стене, словно усы запорожца, уныло повисли на половине седьмого. Уже полчаса назад я должен был покинуть рабочее место. Но что-то было в Мурате магическое, отчего я не мог просто так его прервать. Тем более я не спешил домой. Там мать последнее время совсем достала навязчивым желанием непременно оженить меня на дочери какой-то знакомой нашей Валентины. Чтоб не выслушивать долгих нотаций, я повадился попозже заявляться домой и сразу заваливаться в постель. А свободное время обычно убивал в компании друзей либо избывал в ближайшем кабаке.

Указав на часы, я напомнил посетителю об истечении времени. Пора было закругляться. Пока Мурат собирал в сумку бумаги, на его лице отразилась такая неподдельная мука – даже без психоаналитика было ясно, что он сейчас испытывает. Во мне проснулось сочувствие христианина к ближнему, и я неожиданно для себя предложил:

– Но мы можем продолжить нашу беседу в кафе. Это тут недалеко.

Словно радуга после дождя освежила ещё не распогодившееся небо, так воспринял моё приглашение собеседник. Казалось, целый куль счастья обрушился вдруг на его озабоченную голову.

– Наверное, я вас утомила? – виновато спохватился радетель рода человеческого. – Может, оставим это дело до другого раза?

Я-то понимал, что другого раза не будет, поэтому решил набраться терпения и разом покончить с вопросом. «Сейчас, – решил я, – поддам горячительного и раскрепощусь. Тем более, в нерабочей обстановке проще объясниться». И я протянул ему спасительную длань в океане людского безразличия, где он тщетно барахтался без надежды на сочувствие.

– Нет-нет, мне действительно интересно, – без пафоса поспешил я заверить его. – Признаюсь, в расчётах я ничего не смыслю, но сама идея меня увлекла.

Мы расположились за дальним столиком, и я заказал коньяка. В этом заведении я всегда гдаю, поэтому мои гастрономические предпочтения давно известны персоналу. Официантка Любаша подала пепельницу и через некоторое время принесла бутылку «Белого аиста» с двумя хрустальными стопками и плиткой шоколада «Особый».

Увидев перед собой приготовленную чарку, Мурат, как сатана от крестного знаменья, отпрянул в испуге. С брезгливостью он отстранил посудину в сторону и решительно объявил:

– Извините, Сергей, я не употребляю алкоголя.

Я попытался плеснуть ему в стопку из бутылки:

– Да вы не стесняйтесь. Я угощаю.

Он быстро накрыл своей лопатообразной ладонью хрустальное изделие, и оно потерялось в его пятерне:

– Я правда не буду пить, Сергей.

– Что же, мне в одиночку прикажете напиваться? Как-то не по-русски получается. Говорят, в одиночку пьют те, кто на последней стадии алкоголизма, – уже сожалел я о своём неосмотрительном предложении продолжить знакомство.

– А вы не обращайте внимания на меня. Чтобы вам не испытывать неловкость, я закажу себе минералку и останемся при своих. Каждый будет пить то, что ему нравится, – нашёл выход из положения несговорчивый компаньон.

Видя, что бесполезно настаивать, я вынужден был поддержать обозначенный паритет. Хлестнув одну за другой пару стопок, почувствовал себя в кондиции и приготовился дальше выслушивать очередную версию создания рая на земле.

Мурат бесстрастно отлил пузырящегося «Кармадона» в стакан и, запрокинув голову, залпом выплеснул содержимое в рот, шумно глотнув при этом несколько раз и сопроводив судорожными толчками кадыка движение жидкости внутрь. После этого он разложил на столе уже знакомые мне листы. И продолжилась нудная цифирная тягомотина. Поддав ещё коньяка, я ощутил в себе достаточный философский настрой, чтобы в циничной форме реагировать на происходящее, и беспардонно прервал вдохновение Мурата:

– Слушай, так не пойдёт! Я тебе объяснял, что перед тобой гуманитарий. Значит, давай уберём все твои расчёты, и просто изложи человеческим языком, что всё это значит. Короче, представь, что пересказываешь художественное произведение из хрестоматии на уроке литературы. Только так я способен адекватно воспринимать мир.

И я вдохновенно закатил глазки, в предвкушении услышать интересную историю. Мурат наоборот опешил от такого неожиданного предложения. В неофициальной обстановке мы незаметно перешли на «ты» и почувствовали себя более свободно. Надо отдать должное моему собеседнику, он быстро сориентировался в выдвинутых мною новых условиях.

– С чего же начать? – озабоченно принялся он входить в предложенную роль.

– Так ты уже два часа назад начал, – напомнил я. – Просто сложи назад в сумку все эти бумаги со скучной цифирью и излагай по существу суть своей идеи.

– Ладно, – согласился он, – я и без бумаг наизусть помню почти все вычисления, ведь не один год бился над расчётами.

– Мурат, ты не справишься. Наверное, учился в заведении с математическим уклоном?

– Я студент Саратовского архитектурно-строительного университета.

– А-а! Тогда всё понятно. Вот почему тебя осенила мысль именно через архитектурное проектирование осчастливить весь белый свет. Тоже мне, благодетель выискался. Тебе бы хосписом заведовать.

– В общем, дело было так, – сосредоточился Мурат на предмете обсуждения. – Я работал в отделе градостроительства города Белая Башня. До того, как меня выперли оттуда, приходилось встречаться с простыми людьми и вникать в их проблемы. Я много размышлял над тем, почему в самой богатой на планете ресурсами стране народ влачит нищенское существование. Я задавался вопросом: неужели нельзя это каким-то образом исправить? Ведь другие успешные страны при гораздо меньших возможностях обеспечили же своим гражданам достойную жизнь. У нас одних только пустыющих земельных территорий непочатый край. Их должно обживать население. Смотришь иной раз в телевизоре на каких отвесных кручах, словно ласточкины гнёзда, наклеплены жилища в какой-нибудь заморской стране и диву даёшься. А ведь это у них там не от хорошей жизни. Просто дефицит территорий. Вот и устраиваются, где только возможно. У нас же кто-то упорно не хочет, чтоб население владело – каждый своим земельным наделом, и люди бы строили там семейный уют по собственному разумению. Разве что олигархам позволено прибирать к рукам всё, что вздумается. Слышал, что в отдалённых местах на Севере можно по сходной цене приобрести внушительный земельный участок в пользование. Только на кой мне сдался этот Север, когда я родился в Осетии, здесь прах моих предков хранит земля. Вон, горы кругом стоят пустые – сколько можно настроить там, как на какой-нибудь Мальте, удобных жилищ. Так не дают людям возможности. А почему? Ты никогда, Сергей, не задавался этим вопросом?

Признаться честно, меня задел монолог Мурата. Он действительно затронул насущные проблемы нашего общества. И тут я сам невольно поддался его темпераменту, последовал с интересом за ходом конструктивных мыслей. В принципе, неплохо было бы каждому иметь собственное жильё, да ещё с приусадебным участком, а не стоять по многу лет в очереди,

чтобы, в лучшем случае, к пенсии получить малогабаритную клетушку в общем железобетонном улье. Я был солидарен с Муратом, только по привычке отозвался туманно:

– Пути господни неисповедимы... Ох и смутны дела, что творит наша власть! Ты, Мурат, что конкретное предлагаешь?

– Наверное, слышал, Сергей, как один столичный комик турецкую Анталию, заполненную нашими туристами, назвал всероссийским курортом?

– Слышал, конечно! Кажется, это был Михаил Задорнов.

Мурат снова отпил «Кармадона» и косо, озираясь украдкой, взглянул в окно. На улице начинало смеркаться. Зажглись фонари вдоль тротуара, проезжающие автомобили слепили огнями фар, закатное зарево на небе потухло и, словно из глубин космоса стали всплывать такими пузырьками на поверхности, звёздные светляки.

– Темнеет, – виновато обмолвился архитектор счастливой жизни, поймав мой взгляд на себе.

– Я никуда не спешу, – успокоил я его. – Кафе закрывается в полночь.

В его лице промелькнул светлый проблеск, как будто шашлычник взмахнул картонкой над мангалом и тлеющие угли полыхнули ярко в ответ. И он продолжил:

– Это ж сколько миллиардов рублей наши граждане увозят из страны! И не только в Турцию, Таиланд, страны Евросоюза... Кругом с распростёртыми объятиями принимают щедрых российских туристов. Почему мы не можем у себя наладить достойный отдых для граждан? Деньги не покинут тогда пределов Отчизны. Мало кто захочет обременять себя дополнительными заботами, связанными с оформлением виз, общением с обслуживающим персоналом на незнакомом языке и прочими прелестями заграничного сервиса. Даже непривычная пища и та неблагоприятно воздействует на организм, приводя кишечник к глубоким расстройствам. У них там другие бактерии, несвойственные нашему климатическому поясу. Нередко наши соотечественники подхватывают их вирусы, а это уже чревато серьёзными последствиями. За границей много случается неприятностей с русскими людьми.

– Никак не возьму в толк, что ты конкретно по этому поводу предлагаешь? – призвал я опять не тянуть кота за хвост.

– Надо пресечь такое расточительство. Вот этим я и обосновал свою систему построения успешного общества. То есть, она зиждется на создании целого комплекса мер, объединённых экономической целесообразностью. Иными словами, нужно создать в стране туристическую индустрию для своих обитателей.

– Ах, вон куда ты клонишь! – стал я понемногу вникать в суть. – Легко сказать, но как это выполнить?

– В одном иностранном журнале, – с вдохновением продолжал Мурат, – я как-то наткнулся на любопытную статью. В ней речь шла об ангаре, когда-то построенном для дирижабля, размером это сооружение 400 на 800 метров и высотой – 50. Там воссоздали флору с фауной острова Бали. Соорудили горную гряду вдоль одной стены, концами опускающуюся в живописную лагуну, заполненную натуральной морской водой. Несколько небольших островков там разбросаны по акватории. Пляж вдоль линии берега засыпан золотистым песочком. С одного края территории возвышается современный городок в миниатюре с отелями, ресторанами и сувенирными бутиками. Там громоздятся многоэтажные здания. Даже фонтан украшает центральную площадь. Здесь же расположен рынок с продукцией местного производства: фрукты, овощи, сыры, копчёности, посуда, одежда, сладости, изделия народных промыслов, книги, музыкальные диски и прочее. Функционирует экскурсионное агентство, знакомящее отдыхающих с достопримечательностями региона. Импровизированный пиратский парусный корабль 18-го века расположили в лагуне возле берега, а внутри него устроили казино и на верхней палубе открытый ресторан. Вход в увеселительное заведение прорубили в обшивке борта. Остальная территория суши засажена экзотическими растениями, разбито

много цветников, проложены дорожки для любителей пеших прогулок. Под горами пресное озерцо с ниспадающим сверху в него водопадом, а оттуда вытекает ручей, наполненный пёстрыми аквариумными рыбками. Ручей петляет по парку, в местах пересечения с дорожками радуя глаз ажурным кружевом орнамента перекинутых через него лёгких мостиков. Мелкой породы обезьянки, белки, газели, павлины с фазанами и попугаями да разные игуаны обитают в этом райском уголке, искусственно воссозданном рукой человека.

– Ты просто романтик, Мурат! – невольно поддавшись искушению, и я размечтался вместе с ним. Лишь сделав над собой усилие, вернулся к реальности. – Но у нас ведь суровый климат. Такое для наших широт не подойдёт.

– Самое забавное, что этот ангар, превращённый заботливыми хозяевами в райский уголок, находится в ледяной Гренландии!..

От такого известия, признаться, я окончательно обалдел. Если бы не порции коньяка, методично отправляемые внутрь, неизвестно чем бы всё это волшебство закончилось для меня.

– Слушай, Мурат, таким открытием ты кого хочешь доведёшь до психушки. Тут можно реально тронуться умом. Понятно, почему от тебя стараются поскорее избавиться ответственные мужи. Однако, продолжай, мне интересно слушать.

– Да-а! На чём я остановился? – сдержанно продолжал он. – Ага! Расписные индейские пироги и катамараны на мускульном приводе с площадками для ныряльщиков бороздят воды лагуны. В глубинах обитают морские существа: рыбы, лангусты, креветки, раковины, морские звёзды, осьминог... Вдалеке в отдалённом углу, в воде, устроены на сваях с десятков лёгких бунгало. Это для искушённых любителей заокеанской экзотики. Прочие могут просто любоваться прекрасным видом креольской деревни на фоне лагуны. В горах сеть таинственных гротов с цветной подсветкой привлекает игрою света в причудливых стеклянных кристаллах. Я внутри искусственных гор оставил бы ёмкую полость для обустройства там дискотеки. Народ наш любит веселье и оценит такую инициативу. А потолок ангара нужно драпировать белым полотном и на этом экране проецировать лазерной установкой небесную лазурь с плывущими облаками. Получится как настоящее небо.

– Ничего не скажешь. Красиво! – зашёлся я в умилении. – Не представляю только на какие средства всё это содержать?

– Давно подсчитано всё без нас. Единовременно там размещаются до восьми тысяч отдыхающих. Значит, в течение месяца четверть миллиона человекодней, получается, мы имеем в приходе. От этой цифры и следует отталкиваться в расчётах.

– Опять эти цифры... – простонал я болезненно.

– Хорошо, не буду. Но суть ты себе уяснил?

– О да! Весьма впечатляет весь этот проект. Вроде бы, действительно самоокупаемость ему обеспечена. Доходность такого комплекса не вызывает сомнения. И всё же, не понимаю, каким образом наполнять всю эту систему товарами. Опять импортировать из-за границы?

– Вот здесь-то и кроется гвоздь всей программы. Она заключается в создании значительного количества рабочих мест. Если брать увеселительный комплекс, условно названный мною «Бали» и построенный в ангаре, за основу, то к нему нужно создать целую инфраструктуру вспомогательных производств. Да и сама аббревиатура БАЛИ в моей интерпретации звучит, как Большой Ангар Локализованной Инфраструктуры. То есть, все отдельные локальные производства объединены в единую инфраструктуру для обслуживания большого ангара с туристическим комплексом. Начну с того, что мясное питание отдыхающим обеспечивается со своих ферм и птицефабрик. Там же колбасные цеха и коптильни запасаются мясной продукцией для своего производства. Далее. Для разведения рыбы необходимо создать сеть прудов, которые удовлетворят потребности не только туристического комплекса, но и больше того. Осётр, сом, форель, сёмга, карп, раки и другие виды должны присутствовать в меню наших граждан. Цех по расфасовке чёрной и красной икры должен обязательно здесь присутствовать.

А копчёные деликатесы и балыки давно ведь стали редкостью на столах обычных россиян. И это большое упущение.

– Я сейчас захлебнусь слюной. Прекрати, Мурат, заниматься гастрономическим садизмом.

– ...какой позор употреблять эти западные подачи в виде «ножек Буша», – не обращая внимания на мою реплику, гнул свою линию упорный искуситель. – А этот сыр из Европы. В наших горах столько брошенных шахт, что там без проблем можно открыть сыроваренное производство. Можно, также, там разместить фермы по выращиванию экологически чистых грибов. И для приготовления качественных марочных вин там подходящий микроклимат с постоянной температурой. В Южной Осетии виноградные плантации такой богатый урожай приносят, аж аграрии не знают, куда его подевать. Вот и завозить оттуда сырьё. Гораздо дешевле обойдётся. И своим соседям, таким образом, сбыт сельхозпродукции поможем наладить. Хватит травиться поганым пойлом и всяким шмурдяком недостойным.

– Хорошо поёшь – приятно слушать, – подлил я масла в огонь, повышая градус полемики.

Мурат не обратил на мою иронию никакого внимания и, увлечённо, словно запойный мужик, витающий в пьянящих испарениях, нёс своё:

– Вблизи ангара нужно построить котельную для обогрева курортного комплекса БАЛИ, в котором будет устроена электронная система поддержания микроклимата, дозированно и экономично использующая отопление. Кроме того, тепло из котельной отводится в расположенное тут же тепличное хозяйство, где выращиваются ягоды, овощи, фрукты. Да-да, фрукты тоже, ибо деревья при нашем климате будут лучше плодоносить в теплицах. Есть прецеденты, когда в Заполярье выращивали ананасы. Автоматика обеспечит соответствующий климат внутри. И вообще, НИИ и КБ должны быть ориентированы на удовлетворение потребительских нужд населения в своём Отечестве. Должны создаваться отечественные поточные линии, автоматизированные автономные производства для фермерских и личных хозяйств, новые более дешёвые композитные материалы для промышленного и индивидуального строительства в наших экстремально-рискованных широтах и прочее на потребу обычным гражданам. Ну, что там ещё? Торговая база для снабжения продуктами со всеми холодильными камерами и другими хранилищами должна находиться тоже рядом, чтоб без проблем удовлетворять запросы ресторанов и торговых точек комплекса. Собственные пасеки должны обеспечить мёдом сладён. Кулинары пусть этим займутся. В нашей цветущей республике пчёлам вольготно на природе. Развернуть производство красивой и качественной посуды. Эх, какие сервизы везут из-за границы наши туристы – прямо художественные произведения! Разве нельзя и у нас изготовить такое? А с мебелью дело обстоит ещё хуже. И ведь каждый год в пожарах уничтожаются сотни гектаров леса, а это миллионы кубометров древесины. Что огню не досталось, так китайцы увозят к себе. А это лучшее сырьё для постройки столь дефицитного у нас жилья.

Не был бы Мурат архитектором, если бы не затронул тему строительства домов. Применить профессиональные навыки, кажется, сам бог велел при его-то складе характера. И мечтатель глубже погрузился в сочинённые богатым воображением грёзы:

– Наша власть много раз обещала каждую семью обеспечить отдельной квартирой или домом. И мы знаем, чего стоят эти обещания. А казалось, чего бы проще. Развернуть производство уютных домиков из отечественного лесоматериала. Прекрасные шале из деревянных срубов в горных Альпах настроили швейцарцы и французы. Это самый полезный для здоровья материал. Из некондиционных обрезков деревообрабатывающего производства следует конструировать более дешёвые, утеплённые с помощью композитных материалов коттеджи. И сбывать эту так необходимую населению продукцию, применяя долгосрочное кредитование. В нашем холодном климате не проживёшь ведь в лёгком бунгало или картонной хижине.

Такое производство в России принесёт баснословный доход. Не понятно, почему правительство до сих пор не озаботилось этим. Сколько рабочих мест можно создать на этой базе!

– Вопросы действительно до сих пор остаются без ответов, – осталось лишь констатировать мне очевидное положение дел.

– Пустые-то территории никак не дождутся своих хозяев, – вздохнул Мурат. – Перестали их засеивать. Кроме этого, их должны заполнять многочисленные стада и отары одомашненной скотины. Мясной продукцией насыщать надо рынок. Коврово-ткацкая фабрика, кондитерская, обувная, скорняжная, гончарная, других народных промыслов – ждут своего часа. Нужно возродить забытые ремёсла.

– Полезное замечание. Только где набраться для этого специалистов?

– Их готовить надо. Для этой цели я предлагаю создать центр по подготовке ремесленников. Во Франции, например, по окончании последней мировой войны был создан подобный учебный центр, где обучали народ шить одежду, выделывать шкуры, лепить и обжигать горшки. Безработные обретали рабочие профессии и в период экономического упадка в государстве разворачивали собственное дело, которое позволяло прокормиться семье и производить отчисления в казну.

– Всё так! – согласился я. – Да только на всю эту грандиозную программу откуда взять средства?

– В этом главная проблема. Поэтому для начала следует выбрать один экспериментальный регион и на нём обкатать программу. Северная Осетия лучше всего подходит для этой цели. Во-первых, автохтонное население здесь исповедует христианство, а это немаловажно для нашей страны с преобладающим православным вероисповеданием. Во-вторых, природные пейзажи у нас завораживающие. Климат достаточно благоприятный – озон никогда не переведётся. В-третьих, народ осетинский толерантно относится к чужакам. В то время, когда развалился Советский Союз, кругом развернулась такая оголтелая русофобия. Единственная республика на Кавказе, где не изгоняли русских и не выступали за прекращение всяких связей с Россией – оказалась Осетия. Это ли не основания, чтоб именно здесь объявить зону экономического развития? А деньги сюда можно привлечь из тех средств, что государство хранит в иностранных инвестиционных фондах и казначейских бумагах. Ещё, часть доходов с нефтегазовых промыслов стоит направить на эту программу. В перспективе такое вложение капиталов непременно окупится.

– А иначе и быть не может! – охотно поддержал я пассионария. И тут же скептически добавил. – Только вряд ли наделённые властью лица станут обременять себя лишней заботой. Никто не заинтересован запускать средства в грандиозный и многолетний проект. Пока он осуществится, многие из правителей уйдут на пенсию. Проще им заниматься распилом страны и отхватывать для себя лакомые куски. Огорчу тебя, дорогой друг! Реальность такова, что никто не займётся твоим замечательным проектом. Заруби себе это на носу. И не теряй зря времени на хождения по редакциям газет. Скажу тебе откровенно, в газетных установках не предусмотрено идти поперёк государственной идеологии. А здесь, несомненно, присутствует идеологическая составляющая. Представляю, как бы воспринял всё это народ, представь ему на суд твою программу. Бунт неминуем тогда! А русский бунт, да при нынешнем смутном времени – это же катастрофа глобального масштаба. Моё мнение таково: засунь ты этот свой проект с условным названием «Бали» куда-нибудь подальше и больше никому не показывай.

Видели бы вы каким взглядом ожёг меня Мурат в тот момент! В нём отразился весь пыл кипучей натуры, вся боль от крушения надежд. Это было похоже на электрический самовар, в котором неожиданно, в самый момент кипения, сгорел нагревательный элемент. Бедняга сник, будто только что на глазах автомобиль сбил его любимого дитя.

«И всё же, лучше горькая правда, чем сладкая ложь! – успокаивал я себя. – Пусть лучше займётся каким-нибудь полезным делом мужик». Не ведал я тогда, чем дело закончится и что последует тому продолжение, будет отведена роль там и для моего участия. Но не следует забегать вперёд – всё, как есть, расскажу по порядку.

Тем поздним вечером, как казалось обоим, распрощались мы навсегда на ступенях кафе «Фаворит» (И название заведения оказалось символическим!). Едва заметно прихрамывая на правую ногу, Мурат уходил в бесконечность ночи. Долгим сочувствующим взглядом я проводил его понуро удаляющуюся фигуру, сам отправился в противоположном направлении туда, где дожидалась меня уютная постель. Хотелось поскорей зарыться в её прохладное лоно и забыться до утренних петухов. Коньячный эффект проявлял своё действие, расслабляющей негой обволакивая изнутри.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Давно ведь было сказано: жизнь прожить – не поле перейти. Хотя и поле полю рознь. То, на которое ты однажды ступил, может оказаться минным. Тогда, не приведи господь, испытать те чувства, которые терзают забредшего туда бедолагу. В любой момент под тобой может разверзнуться земная твердь, а плоть разнести на куски. Но не все прислушиваются к голосу разума, мудро твердящему: обойди это проклятое место! Изредка встречаются отчаянные головы, бросающиеся наперекор судьбе. Эти жертвы необходимы человечеству, дабы осознать суть существования каждой души на этом свете. Примером тому история Христа. Самопожертвование – великий подвиг и далеко не каждый готов его совершить. Тут опять же есть нравственные аспекты: ради чего человек подверг себя мукам? Одному захотелось, преодолевая немислимые испытания, обеспечить банально собственное благополучие, когда на другом краю поля брезжит реальная надежда в виде значительных материальных благ. Этот искусительный приз, бесспорно, вполне стоит затраченных на его обретение недюжинных усилий.

Однако есть и другие. Это избранные, которых послало Небо для того, чтобы они осылали своим пребыванием смысл жизни на нашей планете. Ведь стадам обывателей, тупо уткнувшимся мордой в сочную травку под ногами, недосуг оторваться от плотоядного насыщения и взглянуть на загадочное небо, полюбоваться красотами по сторонам, подумать о вечном. Им обязательно нужен поводырь, избравший единственный путь, чтобы масса, следуя за ним, не растерялась в пространстве.

Оказался предводителем стада козёл или осёл – об этом блеять будут овцы в конце дороги, когда на ночь закроют их в вонючей овчарне. Главное, что их лидер, взгромоздив на себя непомерный груз ответственности, успевал бы созерцать и осознавать прелести окружающего мира. Сложилось так, что люди ошибочно принимают болтунов и красноречивых за умных и увлекательных личностей, а тех, кто без лишних слов занимается делом, считают почему-то примитивными и неинтересными. А может здесь проблема в недалёковидности самих судей? Ведь говорила же знаменитая сочинительница детективных историй Агата Кристи, что «разговоры изобретены для того, чтобы мешать людям думать».

Даже звёзды, случается, падают и гаснут на ночном небосводе. А чего вы хотите от обычных смертных? Их жизнь – лишь миг среди бесконечной вечности. И время бесстрастно решит, запечатлеть ли сей миг в памяти людской!

Мурат Кессаев оказался той фигурой, которая способна оставить след на Земле после своего пребывания. Я тешусь мыслью, что свело нас провиденье, чтоб значительный отрезок времени пересечь в совместной упряжке.

Начну с того, что он не был баловнем фортуны. Удача – капризная девка и никогда не предугадаешь её причуд. К тому она благосклонна, хоть, казалось бы, и рожей не вышел. А этого, по всем статьям благородного и достойного, исказила, как самого отъявленного негодяя.

Наш персонаж изначально был обречён пребывать в заурядном существовании. И где там в его кругу обретёшь успех? Когда тебя с головой поглотили сплошные серые будни, нет сил заботой разум утруждать. Ведь это аксиома бытия. Кто сможет опровергнуть истинность сих слов? Желающих, как правило, не сыщешь. Ан, есть такой! Его, уж верно, выстрадало время, в потоке душ избрав эксклюзивный экземпляр. И он, как посланный миссия, готов управиться с предначертаниями в судьбе. А если предписано на роду извечно в ярме горбатить спину, тогда и нечего бесполезно пенять на участь.

Мурат вовсе и не клял выпавшую долю. Он исполнял предписанный судьбой наказ. Трудился по домашнему хозяйству. В родительском доме водились скотина и птица. За ними требовался каждодневный уход, и корм заготовить на зиму, а также, необходимо было вести ого-

род. Об этом ведаёт каждый крестьянин. Потому и несёт от него за версту навозом да трудовым потом разит наповал утончённого в обонянии любого аристократствующего субъекта надменных городских кругов. О таких, как Мурат, там судят так: хоть сам он вышел из села, но село из него – нет. Никогда они не признают за Муратом право принадлежать к их претенциозному сословию. А он и не стремился весь мир переделать. Занимался своим делом и грезит в мечтах о счастливом грядущем. По всей вероятности, интуиция в нём распознала творца, а иначе кто же тогда надумил обычного сельского парня стезю архитектора избрать? И вот, у него за плечами, как ноша нажитого капитала, учёба в Саратовском архитектурно-строительном университете, женитьба, армейская служба. От учёбы ему досталась профессия. В социальном статусе семьянина обрёл душевную опору и перспективу на грядущие времена. Из армейской жизни почерпнул жизненно необходимые навыки преодоления препятствий.

Как-то я полюбопытствовал у Мурата насчёт исполнения им гражданского долга перед Отчиной. И он рассказал необычную историю, приключившуюся с ним в горах Таджикистана.

...Так уж случилось, что пришлось мне, обременённому собственной семьёй – женой и малолетним сыном, прервав учёбу, со второго курса университета отправиться на срочную воинскую службу. И я облачился в армейский мундир. Вскоре оказался на южных рубежах необъятной Советской страны. К концу моей службы сепаратисты в республике уже не таились в тени. Таджикские ваххабиты решительно отвергли навязанный Москвою режим. Участились погромы некоренного населения, которое массово покидало Таджикскую республику, спасаясь от расправ. Чёрный февраль девяностого года надолго останется в памяти уцелевших очевидцев.

Стали не редкостью провокации в адрес дислоцированного на территории азиатской союзной республики воинского контингента. Мне оставалось совсем немного до дембеля. Старшим сержантом был я в ту пору, и занимал должность помкомвзвода в мотострелковой дивизии. В районе Хорога, на Памире, с ответственным заданием с группой бойцов отправился в БТРе к месту назначения. И ночью нарвались на засаду. Бандиты ждали нас, перегородив дорогу валунами, а сами притаились сверху под прикрытием скал. На узенькой, как шёлковая лента в косичке первоклассницы, горной дороге, где с одной стороны возвышается каменная стена, а с другой простирается бездна обрыва, не спасёшься, исполнив тяжёлой машиной удачный манёвр. Хоть в экипаже был лихой механик-водитель, родом из отдалённого горного аула в Дагестане, кумык Руслан Хасбулатов, но в той ситуации и он оказался бессилён.

Лишь только мы вывернули из-за поворота, как фары уткнулись в наваленную перед нами на дороге преграду из камней. В тот же миг сокрушительный взрыв содрогнул боевую машину. Загорелась броня, как фанерный муляж на учебном полигоне, ярко освещая всё вокруг. Я почувствовал боль в повреждённой ноге и с усилием выбрался наружу из горящей машины. Всё кругом заволкло пороховым смрадом и запах горелой резины надсадно свербил в бронхах. Кто-то сверху стрелял, рядом тоже в ответ раздавались короткие автоматные очереди. Едва я расслышал сквозь звон в голове:

– Камандыр... скала прижимайса!..

Голос был до мучительности знаком, только контуженный мозг, не желая повиноваться, вяло функционировал, будто в извилины залили липкого киселя и мысли в нём безнадежно вязли. Из последних сил я пополз в тень под прикрытия горы, волоча перебитую ногу, пока от потери крови не лишился сознания. Пришёл в себя в глубокой расщелине среди каменных глыб, куда перетащил меня Хасбулатов. Как ему удалось забраться туда вместе со мной по отвесным кручам, одному богу известно. Да, горы – это была его стихия! Горец знал, как с ними обращаться. И они не выдали его. Если бы Руслан передвигался по проходным местам, нас тогда непременно бы настигли таджики. Пятеро суток пришлось добираться к своим, хоронясь от жестокой расправы. Всё это время кумык не оставил меня. Свой индивидуальный пакет использовал для перевязки моей раны. Без пищи приходилось туго. В одном месте мой спаси-

тель разорил подвернувшееся на глаза птичье гнездо, и мы подкрепились, выпив сырые яйца. А больше жевали траву или веточки чахлого кустарника, изредка встречающегося в тех местах, скудных на растительность. Изрядно поистрепались тогда мы с ним. Вернулись осунувшиеся и изодранные в расположение части, аж часовой не узнал и поднял тревогу. Руслана качало словно ветром. И как только вынес он на себе, по сути, двоих! – со вздохом закончил Мурат свой печальный рассказ.

Мы помолчали, хмуρο насупившись. А что тут было добавить?..

Став городским главой, Кессаев немедленно вызвал телеграммой к себе из Дагестана верного кумыка на место личного шофёра доставшегося в наследство от предыдущего градоначальника джипа «Черокки». У нас в команде мэра дагестанца прозвали Коротышкой. Пусть Руслан и невысок ростом, но кряжист, как пень баобаба, оставшийся от поваленного ураганом ствола. Его непропорционально короткие конечности, как обрубленные культы, в растопырку торчали из бугрящегося выпуклостями дюжего тела. Бывший механик-водитель боевой машины, а с некоторых пор персональный извозчик мэра, агрессивное в свободной манере вождение казённой иномарки виртуозно сочетал, смотря по ситуации, с нежным вальсированием в упорядоченном городском трафике насыщенной интенсивности. Он неприхотлив и беззаветно предан шефу – скорее неразделим с хозяином, как рыбка-прилипала пред телом гигантской китовой акулы. У кумыка на невыразительном лице, разве что, заметишь тусклое мерцание глазных яблок, будто повёрнутых зрачками внутрь. Он скрытен, молчалив и хладнокровен в любой критической ситуации, как будто участок тела, где расположено его сердце, находится под воздействием анестезии. И мне приходилось Руслана наблюдать в экстремальные моменты.

Как бес он владеет баранкой, пусть даже стихийное бедствие преградой вдруг встанет ему на пути. Ну, вспомнить хотя бы тот случай, когда мы в машине неслись по мосту, чтобы скорей достичь противоположного берега. А бурный весенний поток уже захлёстывал сверху опасно накренившийся пролёт моста и брызгами разлетался из-под колёс. И в самый последний момент сорвало несущую часть переправы и на наших глазах её медленно вместе с машиной всё дальше сносило течением от берега. Брешь катастрофически расширялась. Пассажиры, как замороженные, неотрывно впились сосредоточенными взорами в кипящую бурлящим потоком и расширяющуюся промоину. Один только маэстро лихой езды хранил непоколебимое спокойствие и, словно лидер на финишной прямой, неудержимо нёсся к победному триумфу. Едва перелетел «Черокки» через брешь, как окончательно сорвало с опор мостовой пролёт и завертело, переворачивая и круша, в бешеном горном потоке. А машина после смертельного трюка приземлилась мимо дороги на кочки и, благодаря только мастерству водителя, выскочила на асфальт, едва не опрокинувшись при этом.

– Бил-л-ят! – лишь сорвалось из разверзшихся уст кумыка в гробовой тишине кабины.

Для меня оставалось непостижимым, как какой-то дикарь из горных мест, где кроме осла или лошади не используется иной транспорт, и вдруг так заправски управляет с автомобилем. По поводу моего заблуждения втолковал один знающий малый:

– У них там, в Махачкале, обычное дело, когда все без правил лихачат по улицам!..

После дембеля Мурат перевёлся на заочную форму обучения, не жалея себя, постигал премудрости архитектурной профессии. Было-было от чего испытывать трудности. Превращалась в руины великая страна. Ошеломлённые люди металась кругом неприкаянно, как погорельцы. Мать, не выдержав эту сплошную напасть, заболела и тихо отошла в мир иной. И остался со старым отцом-инвалидом на руках и молодой женой с сыном-малюткой прагматичный приверженец просвещения. Время было жестокое и лихое. Народ трудился без пенсий и зарплат. Выплаты задерживали по многу месяцев. Спасало от голода трудолюбие в развёрнутом личном хозяйстве.

Мурат устроился на работу в отдел градостроительства мэрии Белой Башни, где в тот период вовсю заправлял Георг Хестанов. Вертел делами предприимчивый мэр так, что на фоне всеобщего разорения воздвиг себе в родной Первомайке палаты похлеще боярских. Никто его не смел укорять, лишь робко шептались горожане на ушко друг другу по закуткам.

До всех этих обывательских дел Мурат был далёк. На службе проводил он рабочие дни. Хозяйствовал в доме отцовом. А ночами зубрил до отупения учебный материал, часто засыпая прямо за письменным столом. Жена Юлия украдкой плакала, опасаясь, что тронется умом супруг от чрезмерных таких нагрузок. На себя она давно махнула рукой. Жаль, когда в расцвете лет безнадежно увядает цветущее тело. А была ведь молодка ещё хоть куда из себя. Круглое с нежным подбородком лицо невольно приковывало к себе взгляды мужчин на улице, особенно глаза, миндалевидные, светло-карие и глубокие, в обрамлении бархатных ресниц. Её женская натура требовала внимания, а им с мужем порой некогда было даже пару добрых слов друг другу сказать. И, вроде бы, рядом законный супруг, но дух его обитал вовсе не здесь. О чём свидетельствовал его отрешённый и затуманенный заповедной думой взгляд.

Случалось, заботливо скажет она:

– Милый, поберёг бы себя. Вон седина в волосах пробивается...

Натруженной рукой взъерошит Мурат короткий свой «ёжик» и бросит:

– То годы во мне серебром проросли. Их носить напоказ не зазорно мужчине.

– Не щадишь ты себя, так пощадил бы родителя. Пренебрегаешь мною. Хоть бы иногда вспоминал о маленьком сыне.

– Ради бога оставьте меня. Сил не осталось на склоки.

На том обрывался бессмысленный спор, и снова Мурат погружался в себя.

Если тебя не понимают близкие, то только и остаётся искать утешенье внутри круга собственных интересов. Юлия так и поступила. Всю нерастрченную любовь она направила на маленького Казбека. И ещё увлеклась любимым хобби. Дело в том, что, работая в аптеке фармацевтом, она профессионально разбиралась в целебных свойствах различных лекарственных растений. А отсутствие в продаже в последние годы необходимых медицинских препаратов породило массу народных целителей, шарлатанствующих на людском невежестве.

Вот и занялась женщина сборами трав, составляя лечебные снадобья, которыми от души снабжала всех страждущих. В свободное время она пропадала в окрестностях, запасая целебный продукт. Так что, дом весь превратился поистине в ведьмин вертеп: кругом стояли склянки с настойками и экстрактами, в сенях и коридоре с потолка свешивались пучки сушёных трав, крутой духмяный аромат снадобий непривычно раздражал обонянье посещающих этот дом гостей.

Супруги жили рядом под одной крышей, и в то же время были далеки друг от друга. Юлия с некоторых пор тихонько подмешивала мужу в пищу приворотного зелья, приготовленного собственной рукой, в надежде, что он обратит на неё более пристальное внимание. Она беззаветно верила в силу чудодейственного средства. Но все её усилия были тщетны. Мурат оставался к ней холоден, как циклон, налетающий с Арктики. Старик отец всё это видел и переживал молча, в немоги своей понимая, что не в состоянии повлиять на сына для того, чтоб тот поберёг себя и сохранил семью. Житейская мудрость научила пожилого человека не вступать в дела молодых. Со снохой и внучком он жил в большем согласии, нежели со взрослым сыном. Не понимал он самоистязаний того ради какого-то там образования. Не понятны несколько крестьянской душе затейливые учёные люди. А тут родной сын подался туда же.

– Да и бог с ними! – отмахивался старик. – Пусть себе постигают науки...

А в городской администрации затеяли грандиозный проект. С чего бы вдруг на безденежье на такое решились? Долго в станице Междуреченской мирились с регулярными весенними затоплениями из-за паводков, когда оба рукава речки Фурии выходили из берегов, и вода проникала в жилища. Раз в пятилетку река несла грандиозное бедствие, критически поднимаясь

в уровне, унося с собой урожай с огородов, запасы дров на зиму, сложенные во дворе, домашнюю скотину, хозяйственный инвентарь и разрушая подсобные строения.

– Вот так чудеса! – судачили люди кругом. – Наконец-то проснулась власть.

Через отдел градостроительства мэрии Белой Башни проходил проект сооружения защитной дамбы, и Мурат оказался в эпицентре событий.

* * *

Вот она – многострадальная станица Междуреченская. Основана была казаками во времена Русско-Кавказской войны, когда экспедиционный корпус генерала Ермолова в начале 19-го века начал выстраивать новую линию оборонительных укреплений для защиты проходящей в этих местах Военно-Грузинской дороги. И речушка Фурия, неспешно струящаяся меж камней неприметным тихим ручейком, разделяется здесь на два русла. Её водной преградой даже не назовешь, поскольку можно запросто перейти вброд, не замочив коленей. Но напоминает о её буйном нраве расположенная в самом месте развилки насыпная дамба, укрепленная загородкой из железобетонных плит. Местами заметны промоины в сооружении, где плиты неровно сдвинуты с мест и там в беспорядке нагромождены бушующим потоком каменные валуны. Неискущённому наблюдателю невозможно представить, чтоб эта смиренная речушка таила в себе столь сокрушительную угрозу, от которой сносит постройки и смывает имущество со дворов. Неужели воздвигнутая дамба не обладает достаточной мощностью для сдерживания весенних паводковых вод?

Представительная группа важных чинов кучно сгрудилась прямо на дамбе. Я ожидал поодаль, когда наступит момент проявить своё амплу в отведённой мне роли куртизанки. До меня доносились обрывки отдельных фраз, произнесённых в запальчивости спора особенно резко. Если уж мэр Кессаев так ожесточённо рубит воздух, как саблей, своей пятернёй, значит, всё обстоит серьёзно.

– ...ну зачем колоссальные средства вкладывать сюда в этот бесперспективный проект, – недоумевал один из столичных вояжёров, мощно набычив шею, словно греческий Геракл, намеревающийся вычистить Авгиевы конюшни. – Нужно просто закрепить новыми плитами размытые места.

– Как вы не понимаете, что такие затраты мэрия несёт каждый год, – горячился Мурат, выходя из себя от непробиваемости чиновника. – На израсходованную за многие годы на ремонт сумму давно можно было построить монолитное бетонное сооружение на века.

– В то время, когда в республиканском бюджете сплошные прорехи, откуда взять средства на вашу дамбу? Вы об этом подумали, господин Кессаев?

– Вы бы лучше задумались над тем, сколько жертв совсем недавно забрала здесь вода...

Перепадка ещё продолжалась, когда ко мне своей стремительной походкой подгребла Янина вместе с гражданином невыразительной наружности. Во всё время визита комиссии по гидротехническому объекту, этот представитель держался обособленно от всей группы, в споры не вступал, а больше изучающим взглядом дотошного педанта обшаривал дамбу, прикидывая что-то в уме.

– Познакомьтесь, пожалуйста. Это пресс-секретарь мэра Сергей Овсянников, – представила меня Янина. – Он в курсе событий, и в спокойной обстановке вам подробнее объяснит суть дела.

– Очень приятно. Я финансовый эксперт республиканского казначейства Оскар Казимирович Сосновский, – протянул мне лодочкой миниатюрную влажную ручку столичный фрукт.

– Ну, я вас покидаю. Извините, по горло загружена работой, – сбавив на меня ответственного представителя, поспешила убраться правая рука мэра.

– Где мы с вами, Сергей, сможем обстоятельно обсудить дело? – словно ввинтив в меня буравчики, впился вопрошающим взглядом Оскар Казимирович.

– Пойдёмте к машине. Сейчас нас водитель отвезёт в одно тихое местечко, где никто не потревожит нашего уединения.

Через полчаса каскадёрской с замиранием сердца езды по горному серпантину, мы оказались в Белой Башне на открытой террасе ресторана «Снежный барс». Перед взором простирался живописный вид на чудные природные достопримечательности. Внушительные каменные исполины, вздымающиеся над городом, застывшими позами порождали в воображении образы эпических персонажей героических нартских сказаний. И над всем этим великолепием главенствующим объектом выделялся величественный памятник из белого камня. Башня надменно хранила секрет своего таинственного происхождения, впечатляя неприступностью и органичным единением с окружающим пейзажем.

Для порядка, соблюдая условности за столом, финансист положил на колени кожаный портфель, и извлёк наружу какие-то важные бумаги. Начал, ссылаясь на предписания должностных инструкций, нудно объяснять проблемы бюджета. При этом он часто апеллировал к исчисляемым миллионами суммам. Я мужественно тосковал, в ожидании заказанных яств. Наконец официант осчастливил щедрым подношением, и за столом обозначилось трепетное возбуждение, предшествующее принятию первой стопки.

– Ну, будем! – с повадкой матёрого халявщика, Казимирович выплеснул в глотку пятизвёздочное содержимое своей порции.

Почин был сделан, клиент увяз в расставленной на него западне, как муха в липкой ленте, коварно вывешенной в проёме растворённого окна. Нутром я почувал, что всё будет на мази! Скоро мой собутыльник изрядно раскраснелся и, азартно потирая руки, приятельски хлопал меня по плечу. Напрочь позабыв о предмете его визита, мы громко травили анекдоты армянского радио и комичные истории из собственной практики. По-свойски обращаясь к нему, я приготовил очередной перл:

– Оскар, ты помнишь студенческие годы?

– О, да! – блестя замасленными глазками, воодушевился компаньон. – Я учился на финансово-экономическом...

Бестактно перебивая его, я продолжал:

– У нас на филологическом ходило меткое выражение: размер жопы, в которой оказываешься во время сессии на экзамене, прямо пропорционален размеру члена, который клал на учёбу в течение семестра.

Он оценил мой юмор! Справившись, наконец, с приступом хохота, мой весёлый партнёр отметил характерную особенность в себе:

– Когда я ем – я глух и нем! Когда я пью – я пообщительнее...

– А ты заклей себе рот скотчем, – советую я, издевательски отправляя в рот внушительный кус румяной и сочной бараньей грудинки.

Лукаво подморгнув мне, Оскар подхватывает иронию и в свою очередь выдаёт:

– Тут ведь оказываешься перед дилеммой. В России есть на выбор два вида скотчей: те, которые не приклеиваются, и те, которые не отдираются!

Я глубокомысленно поддержал его скепсис:

– Относительно нашего разлюбленного Отечества возможны лишь два варианта развития событий: наихудший и маловероятный.

– Обнадёжил, Серёга! Сведения из каких источников черпаешь?

– Из собственных наблюдений выводы делаю. Вон, зарплата в последнее время стала больше напоминать сдачу.

– Да-а! – напуская серьёзный вид, протянул разомлевший казначей. – Тут и вспомнишь невольню беднягу Винни Пуха, когда из-за пчёл тот свалился задом прямо на ежа.

– И что было дальше?

– Так он не постеснялся и сказал всё слово полностью...

До полуночи мы проржали, как насытившиеся овсом гусарские лошади в тёплой уютной конюшне. Батарея опустошённых бутылок и гора загаженных объедками тарелок, будто бранное поле, остались после нашего пребывания. Распрощались мы братьями. Водитель отвёз клиента на автовокзал к ночному рейсу. Я же на вызванном официантом такси добрался домой. Совершенно не помню, как оказался в постели. Очнулся с головной болью и чувством выполненного долга в душе, когда уже было далеко за полдень. Превозмогая себя, добрёл до холодильника. Там нащупал холодное пиво и, как истерзанный жаждой путник в Сахаре, жадно приложился к спасительной влаге. Едва отошёл от мертвецкого состояния, как зазвонил телефон. Естественно, это была Янина:

– Ну, как, алкоголик? Живой? Четвёртый раз уже тебе звоню.

– До твоего звонка был уверен, что пребываю в аду.

– Сильно тебе плохо? Лечись. Только последнее слово молви: как прошло мероприятие?

– Лучше не бывает. Мы с Казимировичем на крови побратались. Готовьтесь принимать дары падишаха.

– Молодчина, Овёс! Ты оправдал возложенные надежды. Родина этого не забудет, – рассыпалась в благодарностях интриганка. – Можешь спать дальше. Больше тебя не побеспокою.

– Ну вас всех к чёрту! – послал я коллегу. – Спаиваете меня, изверги...

Бросив трубку, ощутил, как сдавливавший голову терновый венец стал обретать очертания нимба от признания удачно мною провёрнутого дельца. Главное, будут теперь деньги на сооружение дамбы. Столько с ней претерпели мороки! Как тут не возрадоваться? Ведь беда, что случилась три года назад, разделила общество на два непримиримых лагеря. Эта беда, в своё время, и сыграла решающую роль при восхождении Мурата на Пантеон городской власти. Грешно в подобном тоне рассуждать о трагедии, но только чрезвычайные ситуации, порой, могут всколыхнуть консервативное мышление обывателя, чтобы дошло до него, что гражданской активностью можно добиться исполнения воли масс. Конституционное право граждан – изъяслять свою волю во время выборов лидера. Слушая пропагандистские призывы всяких политтехнологов, не стоит поддаваться их оболъщениям. Всегда судить надо исключительно только по деловым качествам кандидата. Если за его спиной нет реальных дел, то не стоит заблуждаться в отношении такого лица.

Когда Мурат трудился в отделе градостроительства, по роду своей деятельности ему приходилось выезжать на места производства строительных работ. Ездил он и в станицу Междуреченскую для предварительной корректировки работ на местности и в ходе самого возведения там защитной дамбы. Произведя на месте свои расчёты, изучив силы противодействия сооружения стихии, он составил квалифицированное заключение, и ознакомил с результатами своих умозаключений тогдашнего мэра Хестанова. Тот немедленно вызвал не в меру прыткого подчинённого на ковёр и сделал резкое внушение:

– Молодой человек, ваше усердие похвально, однако требует лучшего применения. Не воображайте, будто проект составляли дилетанты. Специалисты убедительно доказали, что запас прочности возведённой дамбы втрое превышает наибольшую вероятность мощи допустимой угрозы. Вопрос решён коллегиально на сессии городского совета, и я уже дал распоряжение приступить к выполнению работ. Так что, не путайтесь под ногами.

– Тут не надо быть квалифицированным специалистом, чтобы понять в невозможность сдерживания весеннего паводка земляной дамбой, укреплённой всего лишь лёгкими бетонными плитами. Только сплошная монолитная конструкция способна гарантированно противостоять напору стихии, – упрямо гнул Мурат свою линию.

От напористости молодого сотрудника начальник пришёл в ярость.

– Раз и навсегда предупреждаю не совать нос куда не следует! – повышенным тоном градоначальник охладил пыл зарвавшегося архитектора. – Я не намерен выслушивать ваш бред. Ступайте на рабочее место и больше не отвлекайте меня от серьёзных дел...

И всё же, строптивец на этом не успокоился. Он в нерабочее время отправился на свой страх и риск в Междуреченскую и принялся ходить там по домам, объясняя жителям о целесообразности планируемых работ по возведению, по сути сказать, не дамбы, а сомнительной загородки для сдерживания мощного напора воды. Мурат размахивал листами с техническими расчётами и рисовал эскизы с распределением векторов сил по принципу сопротивления материалов. Он с пылом убеждал станичников, чтоб вышли на общий сход и решительно высказались против бесполезного строительства. Люди слушали его и согласно кивали в ответ. Только выходить с протестом никто не спешил. И нашёлся стукач, который донёс на мятежного возмутителя спокойствия в администрацию станицы. Появился местный глава с парой милиционеров. Смутьяна препроводили в станичный опорный пункт, где установили личность пришельца. В тот же день Хестанову стало известно о провокационном поведении сотрудника мэрии, призывавшего к беспорядкам в Междуреченской. Строгим выговором с занесением в личное дело и последним предупреждением поплатился за свой несанкционированный вояж Кессаев. Пришлось смириться с обстоятельствами. Мурат затаился. Объект был построен согласно одобренному мэром проекту.

А последующей весной гром разразился. Усугубило положение то, что ливень хлынул глубокой ночью, и вместе с водой на станицу обрушился оползень. Грязевой поток снёс на своём пути насыпь и разметал плиты. После, их обломки находили на большом расстоянии от населённого пункта.

Жители подверглись панике, люди выскакивали из домов, а их тут же подхватывало бурлящим потоком и уносило в ночь. Крики тонущих заглушал грохот разбушевавшейся стихии.

В течение нескольких дней на местном кладбище прибавилось с дюжину свежих крестов. Народ дорого заплатил за собственную пассивность. Запоздало вспоминали междуреченцы молодого бунтаря, дельное предложение которого так неосмотрительно отвергли. Все теперь понимали о насущной необходимости в постройке у них качественной монолитной стены из бетона. Только это могло уберечь населённый пункт от дальнейших бед, приносимых водой. Ведь полстаницы оказалось в зоне бедствия, где жилища охватывало губительным потоком.

А как же Мурат? Подозреваю, ему было о чём позаботиться. Ну, хотя бы о том, чем прокормить семью. Ситуация в стране ухудшилась настолько, что зарплаты не поспевали за ростом цен. Людям по многу месяцев не выдавали заработанное, а когда они, наконец, получали деньги, то из-за инфляции те совершенно обесценивались, и на них невозможно было прожить даже день. Кругом предприимчивыми людьми создавались всевозможные акционерные общества, в результате чего заводы, фабрики и прочие предприятия оказывались частной собственностью наделённых властью лиц, а прежние работники попадали в число безработных. Гражданам сунули какие-то бумажки, красиво названные ваучерами, пообещав каждого наделить на основании этого документа причитающейся долей от раздела богатств страны. Средства массовой информации дружно убеждали народ, что осталось совсем немного потерпеть до всеобщего благоденствия. Все, как доверчивые ротозеи, развесив уши, ждали того момента, когда небесной манной на них обрушатся блага. Хваткие дельцы, вроде Бориса Санакоева, действительно купались в роскоши. В Белой Башне именно тогда появился ночной клуб «Мессалина», ставший своеобразным культовым местом для городской элиты, богатых олигархов и преступных авторитетов.

При клубе существовали сауна с бассейном и ресторан для избранных VIP-клиентов. Там же содержали нелегальный бордель с девицами для интимных услуг. Крышевал это сомнительное заведение всё тот же заместитель городского мэра Санакоев. Сутенёром там подвизалась одна пронырливая езитка из Грузии, с которой Борис имел тесные отношения. Она поставляла сюда смазливых девочек, которых находила где-то в далёкой российской глубинке. Кроме того, эта дама свела патрона с грузинскими криминальными элементами. Дело

обрело серьёзный оборот. В результате в Белой Башне был развёрнут ещё и спиртоперегонный завод, где стало функционировать нелегальное производство палёной водки. Грузинские компаньоны Санакоева обеспечивали предприятие поддельными акцизными марками, и организовали канал сбыта выпускаемой заводом продукции. И пошли фуры с палёнкой в российские города с традиционно пьющим населением.

Какие суммы на этом деле отгребали себе в карман ловкие предприниматели, стоит лишь догадываться. Только завод стал точкой преткновения разных заинтересованных группировок. Период раздела территорий прошёлся тяжёлым катком по такому лакомому куску. Не раз там случались бандитские разборки, доходящие до кровавой поножовщины и перестрелок. Никто не считал, какие жертвы были принесены на алтарь ради чьей-то наживы. В междоусобные войны боялись сунуться те же представители правопорядка и других государственных структур. Здравые умы в этих ведомствах для себя рассудили таким образом, что гораздо спокойней получать внушительные откаты, чем себе в убыток мешать «трудовому» процессу на столь доходном производстве. И всё здесь шло своим чередом: братки отстреливали друг друга, оперуполномоченные убойного отдела подгоняли статистику борьбы с преступностью под успешный процент, городская администрация закрывала глаза на творящееся. Обстановка сложилась поистине, как в американском Чикаго в период большой депрессии. Поговорка: рука руку моет – обрела актуальный смысл в данном случае. Порой, чтобы заткнуть какую-нибудь образовавшуюся дыру в городском бюджете, сам мэр без зазрения совести прибегал к благотворительной помощи бонз незаконных производств.

Правда, однажды случилось Хестанову рассориться с дельцами, промышленяющими палёной водкой. Хотел было прижать им потуже хвосты. Да только не пошли на конфликт с бизнесменами местные силовики, наотрез отказавшись затевать войну с бандитами – рассудили, что больше от этого потеряют, чем обретут. Пришлось вызывать спецназовцев из федеральной столицы. Разогнали в один момент бравые киборги бандитское ополчение, окольцевали стальными браслетами предводителей. В общем, навели порядок, отчитались об успешно проведённой операции перед начальством. На этом какое-то время установилось тревожное перемирие. Однако никому из заинтересованных сторон оно не принесло удовлетворения. Все загрузили об утраченных доходах.

И вновь через некоторый промежуток времени забулькало водочное производство. Больше не нашлось желающих покуситься на источник неиссякаемого денежного потока. Так и поладили между собой официальные и теневые круги местного общества. Вот и выходит, что деньги есть продукт уравнивания интересов конфликтующих сторон. Конечно, случались и после в пределах завода конфликтные ситуации, но это уже носило локальный характер и не претендовало на масштабность. Отделаются братки одной-двумя жертвами, и снова вступает в силу конвенция о разделе сфер влияния, ведь хлипкий мир всегда лучше кровавой свары.

* * *

Это Кессаев мыслил иными категориями. Он грезил всюду развернуть на подконтрольной ему территории преуспевающие производства, откуда успешно получилось бы черпать населению доходы. С этой целью изыскивал всевозможные резервы. Вот и в другой раз путь наш лежал в небольшое поселение – Роза Ветров, затерянное высоко в горах, где проживало не более трёх сотен человек. Чтобы туда нас доставить, Коротышке нужно было изрядно постараться. И всё равно джип с едва не перегревшимся мотором пришлось оставить ниже, а самим взбираться на кручу ещё с километр по узкой, местами в полступни, тропинке, вьющейся по самому карнизу горного кряжа, опасно нависшего над пропастью. Соблюдая особую осторожность, кое-где необходимо было, пачкая одежду, плотно прижиматься телом к скале, вынужденно постигая навыки заправского альпиниста.

В прежние времена здесь размещалась метеостанция, да чабаны перегоняли отары на сочные альпийские пастбища. Вон издали видна полуразрушенная кошара, в разбитые окна которой теперь заглядывает лишь гуляка ветер. А в прорехах обветшавшей кровли из полопавшегося от времени и осадков шифера туда-сюда снуют юркие птахи. Не надо обладать богатым воображением, чтобы представить себе картину некогда протекающей здесь жизни. Вглядываясь в растрескавшуюся кирпичную кладку стен, кажется, что сквозь щели ещё доносится меканье сотен овец, собранных сюда для сезонной стрижки.

Когда-то тут был переброшен напрямую через пропасть подвесной мост на стальных канатах, но со временем конструкция обветшала и рухнула. Так с тех пор у властей руки не доходили, чтоб наладить сообщение с большой землёй жителям забытого поселения. И чахла здесь жизнь, угнетённая бюрократическим к ней отношением власть имущих.

Диву даюсь, как при столь громоздкой комплекции Мурату удаётся и в таком сложном восхождении взбираться наверх впереди всех. В запylённых рабочих ботинках и порядком потрёпанной брезентовой куртке, с палкой в руке, он поистине выглядел, как разыскивающий отбившегося от стада барашка пастух.

Что привело его в это дикое место? Да всё заботы основательного хозяйственника, стремящегося в каждом закутке своей вотчины навести должный порядок. Дело в том, что ещё накануне падения Советского государства, здесь обнаружено было месторождение газа. Потом в пылу наступивших политических баталий все успешно забыли об этом открытии, да и средства на развитие промысловых разработок неоткуда было взять, ибо в стране наступил финансовый коллапс.

И вот новый мэр решил развернуть на разведанном месте добычу энергоносителя, так необходимого жителям Белой Башни, до сих пор практикующих в быту дровяные печи. Для этого прежде всего требовалось наладить надёжное сообщение поселения Роза Ветров с остальным миром. Вся молодёжь шарахалась поскорее отсюда на большую землю и оставалось лишь старикам доживать свой век в этом богом забытом уголке. Судите сами, как можно прозябать здесь, когда даже детям чтобы посещать школу, необходимо было долго спускаться на несколько километров вниз, в близлежащее село. А в зимний период, когда всё кругом занесено глубоким снежным покровом, ребята вообще по несколько недель не виделись с родителями. Им приходилось оставаться у приютивших их родственников или в интернате, организованном при школе.

Теперь отрезанный от цивилизации населённый пункт Мурат вознамерился оживить, чтобы он забурлил новой жизнью. Вот для этого он прихватил с собой кроме меня с Санаковым ещё двух специалистов из мостостроительной организации – проектировщика и геодезиста. Вон как они громко пыhtят за спиной патрона, с трудом взбираясь наверх. Однако их опыт необходим, чтобы соорудить над пропастью основательный и долговременный мост, тем значительно сократив и обезопасив путь до высокогорного поселения. Потом по мосту пройдёт строительная техника, что позволит начать разработку газовых залежей. Сам Мурат прибыл с той целью, чтобы лично оценить перспективу обещающей с лихвой окупить финансовые вложения местности. Видимо не напрасно предусмотрительный мэр отвалил в своё время от месторождения хлынувших было сюда акул большого бизнеса.

Поездка была внеплановой, поэтому предварительно никто в поселении не был оповещён о нашем прибытии, и мы, как нагрянувшие конкистадоры из Старого Света, незвано вторглись в быт мирной индейской деревни, раскрасневшиеся и потрёпанные явились сюда для внесения преобразований. Стекланные бусы на золото мы не собирались выменивать у местных аборигенов, но скрывающийся в недрах энергоноситель нас действительно интересовал.

Кроме сложенных из подручного камня жилищ, составляющих костяк населённого пункта, бросилось в глаза отстоящее особняком с краю запущенного вида деревянное строение с покосившейся вывеской на фасаде «Магазин сельпо». Хотя больше бы сюда подошло назва-

ние вроде «Скобяная лавка» или «Мелкая торговля в розницу». Туда Мурат и направился. А мы вчетвером проследовали за ним.

Внутри магазина оказалось довольно просторное помещение с не шибко широко представленным ассортиментом товаров. На самом видном месте в деревянных лотках выставлены были успевшие зачерстветь несколько буханок ржаного хлеба. В коробах на полу, возле самого прилавка, виднелись загруженные туда всевозможные сыпучие товары: чай, сахар, крупы, карамель... Рядом с этими продуктами и бутылками с подсолнечным маслом громоздилась железная бочка, от которой несло керосином. Ну и на кое-как приспособленных к стенам полках в небрежном беспорядке разместились вперемешку жестяные банки консервов скумбрии в собственном соку и кильки в томате, маринады в стеклянной таре, несвежие пачки с печеньем и прочий продовольственный ширпотреб. Из промышленных товаров пылились болтающиеся от сквозняка на передвижной вешалке из алюминиевых трубок несколько женских кофт блёклых тонов и платья совершенно дикой расцветки.

Прилавок обступила кучка местных обывателей и они громко обсуждали что-то своё, когда мы вошли в магазин. По всему видно было, что тон во всей компании задаёт хозяйка торговой точки, особа с внушительным бюстом и необъятной комплекцией. Она-то и обратила первой внимание на пришельцев.

– А водку не продаём мы, – огорошила нас внезапным признанием дама. – По новому положению на алкогольную продукцию требуется покупать лицензию в городской мэрии. У нас нет на это денег.

– Так мы не за этим сюда заглянули, – запутал в догадках не в меру проникательного работника прилавка Мурат, милой улыбкой сглаживая наметившееся в оппоненте замешательство.

– С такими красными рожам развее может привлечь какой-то другой товар? Знаем мы вашу братию, – нашлась напористая торговка, как ответить достойно чужаку.

Тут уж не выдержал проектировщик и, зверски скосив глаза на Кессаева, трагическим голосом объявил:

– Вы, гражданочка, неподобающим образом для работника сферы обслуживания ведёте себя. Перед вами мэр Белой Башни собственной персоной, и он прибыл, чтобы наладить ваш быт. Лучше бы помогли нам найти главу поселения, чтоб мы смогли порешать с ним надлежащие вопросы.

От такой неожиданности торговка лишилась на несколько мгновений дара речи. Получилось прямо как в гоголевской комедии «Ревизор» в тот самый момент, когда объявили о неожиданном прибытии уполномоченного лица. С дамой творилось что-то неладное. Щёки налились закатным румянцем, глаза выпучились, как у камчатского краба, а губы растянулись в вымученной улыбке, как в романе Гюго «Человек, который смеётся» случилось с изуродованным компрачикосами мальчиком. Да и другие из присутствующей публики выглядели не лучше. Видимо свалившаяся на их головы неожиданность оказалась настолько потрясающей, что следовало ещё как следует её пережить.

Быстрее всех, надо отдать ей должное, пришла в себя стоящая с краю сухощавая старушенция. Она живо подхватила и со словами «сейчас позову», резво метнулась за дверь. Внутри воцарилось гробовое молчание. Слышно стало, как мышь осторожно скребётся в каком-то из кулей.

Обстановку разрядил сам Мурат. Он сказал, направившись к выходу:

– Не будем мешать торговле. Подождём снаружи.

И мы выбрались на крыльцо, где посередине обыденно развалилась какая-то лохматая псина, мешаясь под ногами. Следом за нами потянулись на выход магазинные завсегдатаи. Кто-то пнул разлэгшуюся на пути собаку и та, взвизгнув, драпанула прочь от обидчика. Отбежав на безопасное расстояние, дворняга плюхнулась под ближайшим забором, и, опасливо озира-

ясь на сборище у магазина, продолжила своё беззаботное существование. Неведомым образом оповещённая, возле магазина разрасталась толпа местных жителей. Тут на глаза Мурату подвернулся какой-то знакомый тощий дедок, наружностью напоминающий египетскую мумию с иссохшей кожей, в калошах на босу ногу и с дерматиновой папкой под мышкой, какую обычно всюду таскали с собой колхозные счетоводы. Изобразив на лице радостное выражение, Мурат устремился ему навстречу. Мумия безучастно восприняла постороннее внимание к своей персоне. Пожалуй, только едва заметно кольхнула ресницами на мёртвом лице да приняла стойку «вольно» в своей позиции. Насторожённое выражение в глазах сменилось на выжидательное. Только и всего. А когда шеф достаточно приблизился, археологическая достопримечательность разразилась вдруг вполне вменяемым слогом:

– Как твой родитель поживает, Мурат?

– Ничего себе. Шкандыляет всё на своём протезе.

– Ну дай бог ему здоровья! Хозяйственный он мужик, – с напускной важностью уведомил дед присутствующую общественность.

Мурат обратил внимание на удручённое выражение в лице старика, поэтому осведомился у того в рамках соблюдения приличий:

– Твои как дела, отец?

Оживший артефакт вяло переступил с ноги на ногу и грустно молвил:

– Я-то что. Грех жаловаться. Вот старуха моя совсем ослепла. Такие дела.

На что Мурат отделался философской неопределённостью:

– Да-а. Годы дают о себе знать.

– Ой, не говори. Только старуха лишилась зрения после вирусного заболевания, холера её подери. Гриппом переболела и ей дало осложнение.

– Ну, жизнь, – посетовал мэр. – А что врачи? Неужто лечение не предлагают?

– Возил я её аж во Владикавказ. Докторов только деньги привлекают.

– Ну, жизнь, – повторил патрон озабоченно. – И что теперь собираетесь предпринять?

– Приходит местная знахарка. Заговаривает недуг молитвой на свечке. Всё нам дешевле обходится.

– Во жизнь, – снова вздохнул мэр. – И помогает такое лечение?

– Да где там. Так, одна моральная поддержка моей старухе. А на большее у нас средств не осталось. Пока возил её по врачам, залезли в долги. За это и пасеку, которая нас обеспечивала, отобрали.

– И что, больше сделать ничего нельзя для пострадавшей?

– А что тут сделаешь? Специалисты советовали свозить её в Москву. Там, говорят, есть офтальмологическая клиника Фёдорова, где делают лазерную коррекцию глаза и меняют хрусталик на искусственный. Только нет у нас средств на это. Будем так свой век доживать.

– Ну да, – согласился Мурат. – А что нам ещё остаётся?

– Все ходим под Богом! – сакраментальной фразой ответил на это дед.

– Ладно, отец. Не отчаивайся. Держись! И старухе накажи, чтоб не падала духом.

– Хорошо. Будем стараться.

– Ну, бывай...

К этому моменту народу собралась уйма. Все жадно ловили слова мэра, с откровенным любопытством и бесцеремонностью разглядывая заезжего важного чина, впервые в истории поселения посетившего сии отдалённые места.

Снизу кто-то воскликнул осторожно:

– Начальник, ты бы лучше нам работёнку подкинул.

Затем раздалось в толпе ещё:

– Или хотя бы рухнувший мост поправил.

– Детям в школу ходить далеко.

Тут как раз и подоспел запыхавшийся глава поселения. Это был вертлявый плешивый субъект в залатанной на локте телогрейке не первой свежести. Он решительно вторгся с разгона в народную массу. Бесцеремонно цыкая на ропщущих граждан и живо расталкивая всех подворачивающихся на пути локтями, надсадно при этом восклицал: «Боже мой! Наш дорогой мэр в гости пожаловал». Лысый, преодолев, наконец, людскую преграду, подобострастно прильнул к неосторожно оставленной в свободной манере руке Мурата, цепко ухватившись за неё, будто в церкви в поисках поповского благословения. Захлёбываясь от восторга, он беспрестанно твердил: «Милости просим в наши чертоги». Лишь только когда приступ истерии прекратился, наделённый портфелем чиновник обрёл способность к адекватному реагированию на внешние раздражители. Он обернулся к обступившему магазинное крыльцо люду и радостно сообщил:

– Знакомьтесь, друзья. Это товарищ Кессаев.

Будто представляя своего старинного приятеля, сельский администратор хотел показать односельчанам, насколько сам накоротке с заехавшим сюда городским бонзой.

Последняя реплика льстеца явно запоздала, поскольку селяне и без того прозрели, признав в визитёре с громоздкой фигурой и стрижкой «ёжиком» то самое официальное лицо, которое привыкли обозревать со страниц местных печатных органов либо с экранов в муниципальных телепрограммах.

Обратившись к местной шишке, Мурат строго спросил:

– Почему до сих пор не поставили вопрос перед мэрией о необходимости восстановления отслужившей срок коммуникации?

– Когда рухнул старый мост, я обращался за помощью к товарищу Хестанову. Он обещал решить вопрос положительно, да, видимо, всё руки не доходили до нас. Понимаю, что у мэра и без того хватает забот. Может вы поможете в нашей беде? – почти плача, униженно лебезил приспособленец, не стыдясь окружающей публики.

– Решим ваш вопрос. Обязательно решим, – заверил градоначальник. – Для того и приехал сегодня к вам.

– Спасибо! – раздались кругом вразной недружные голоса. По недоверчивым лицам людей заметно было насколько они доверяют словам действующей власти. В их душах совсем не осталось веры.

Мурат продолжал:

– Мост будет построен стационарный, а не подвесной. Послужит вам на долгие времена, как надёжная дорога в грядущее. Думаю, останетесь довольны им.

– Можно будет легко добираться на работу на ферму в нижнее село, – в упоении закатив глазки, размечтался плешивый.

– Работёнку вам тоже подкинем, – многозначительно пообещал мэр напоследок. – А сейчас, извините, нам нужно ещё обследовать место предстоящих работ.

Мурат гордой поступью кесаря покидал магазинное крыльцо, послужившее ему подиумом, и жалобным скрипом подгнившего деревянного настила под грузной фигурой триумфатора сопроводившее его на прощание. Услужливо забега вперёд, лысый указывал путь. А народное ополчение сердечными возгласами вдогонку желало всего доброго посетившему их захолустье мэру. Он дал им надежду. В своей потрёпанной брезентовке он естественным образом гармонировал с местным населением, и оно его приняло в своей среде. Более того, здесь поверили его словам. После такого визита долго будут помнить этот исторический момент, ведь никогда раньше сюда не заворачивало высокое начальство, и никто так запросто не говорил с народной массой. Надолго теперь будет повод о чём посудачить в близком кругу.

Когда мы уже возвращались назад к себе и Коротышка привычно усердно сопел над своей баранкой, шеф обратился ко мне:

– Сергей, наведёшь все справки о состоянии здоровья ослепшей старухи, свяжешься с офтальмологической клиникой в Москве, закажешь билеты на двух человек и зарезервиру-

ешь места для их проживания в гостинице. В общем, сделаешь всё, что положено. Пусть дед свозит бабуся на лечение.

Я с готовностью достал блокнот с ручкой:

– Как имя того дедка?

– Будто я помню... он с отцом моим вместе трудился на пасеке, – последовало мне в ответ.

– Хорошо, Мурат. Всё уточню немедленно.

Борис беспокойно заёрзал позади шефа и подал робкий голос со своего места:

– А вы представляете, шеф, в какую сумму это нам обойдётся? Здесь явно миллионом не отделаешься.

Мурат так резко обернулся к Санакоеву, что не показалось бы неестественным, если по инерции голова патрона сделала бы пару-тройку оборотов на шее, пока бы остановилась.

– Вот что, друг мой, – играя желваками на скулах, яростно воззрился Мурат на вице-мэра, – всем и так известно, что ты самый нищий среди нас. Не лучше ли тебе заняться подсчётом собственных доходов и не совать нос не в своё дело?

На этом воцарилось долгое молчание в машине, мысленно каждый погрузился в рабочий процесс. Было над чем сосредоточиться. А Борису шеф дал понять популярно, что не ему бы мяукать на тему о деньгах. Патрон тонко чувствовал чаяния народа. Он знал, как его душу пронять. И в этом сказывалось благотворное влияние Янины Федермессер.

* * *

Сегодня звонила мать, напомнила мне, чтоб приехал на выходные отметить её день рождения. Торжество семейное и обычно проходит рутинно и скучно. Мать не любит возраст свой изобличать при скоплении народа. Традиционно событие такого масштаба мы проводим в узком семейном кругу: я с матушкой да Валентина. Но тут ничего не поделаешь, традицию семейную придётся поддержать. Подарок я уже припас. Боря Санакоев помог его приобрести, благодаря связям в торговой сфере. Это французские духи «Жадор». Дорогая вещь и, говорят, благоухание телу придаёт фантастическое. Мамуля обожает всякий эксклюзив, чтоб ни у кого вокруг ничего подобного не было. Останется довольна.

Завтра пятница. После работы и поеду в Колонку. «Девятка» моя застоялась в гараже, прошвырнусь с ветерком по свежезаасфальтированной федеральной трассе. Мурат отпустил до понедельника. У него самого радостное событие. Сын Казбек приехал на побывку из Питера, где с прошлого года учится в высшем военно-морском училище имени М. В. Фрунзе. Он с детства мечтал стать морским офицером, и теперь сбылось – носит курсантские знаки различия, сплошь весь в золотых якорях и полосатой зебровой расцветке.

Парень представляет собой копию отца – так же ладно скроен, только осанка более аристократическая. Самоуверенный и самовлюблённый малый, любит побузить в весёлой компании, отчего вечно попадает во всякие истории. В училище чуть больше года, а мне пришлось уже два раза смотаться в город на Неве, чтоб там утрясти скандалы, в которых был замешан Казбек. Самому Мурату не с руки заниматься разборками походов сына, поэтому столь деликатную миссию приходится выполнять мне. Между нами, – чтоб не исключили из учебного заведения драчуна, пришлось выложить кругленькую сумму.

И всё равно Казбек – гордость отца. Вон как цветёт наш патрон, когда выходит на люди рядом с бравым сынком. Сам становится будто моложе, а наметившееся брюшко подбирает, втягивая в себя, чтобы не так заметно было. Даже хромота становится совсем неприметной, будто повреждённая нога вдруг исцелилась. Да, каждый родитель пытается найти некий идеал в своём чаде. По справедливости говоря, Казбек не обделён от природы способностями. Ещё во время учёбы в школе стал кандидатом в мастера спорта по боксу. На юниорских турнирах не знал поражений и сейчас за училище продолжает выступать на ринге. Кулаки у него внушительные. Да и грудь не по-юношески широкая. Нос хоть перебит и слегка скошен на бок, но это

лишь придаёт мужественности его красивому лицу. Пожалуй, во внешности он несколько не уступит античному Аполлону. Во всяком случае, девицы виснут на нём, как виноградные гроздья. И круг друзей всегда увивается за Казбеком, словно свита римского патриция. Вот и сейчас, не успев приехать и осчастливить своим присутствием родителей, как почётный эскорт приятелей и подружек сопровождал блистательного курсанта в неизвестном направлении. Как же такого не любить, когда щедрость его безгранична. Тратит отцовы денежки направо-налево, не считаясь с расходами.

Я как-то заметил Мурату:

– Разорит тебя сынок!

На что последовал ответ поистине заботливого родителя:

– Пусть развлекается, пока молод. Не хочу, чтобы он испытал те унижения, какие выпали в жизни на мою долю.

А Казбек и не тужит по поводу всяких житейских затруднений. Он как должное принимает заботу о себе. Такая она золотая молодёжь, привыкшая к постоянной опеке. Ко всему прочему, не потерпит Казбек посягательств на личную свободу. Выпало мне как-то стать свидетелем разговора отца с сыном. Казбек тогда только школу закончил. В тот период мать оказывала на него большее влияние, нежели Мурат, поскольку тот вечно был поглощён делами. Юлия бесконечно баловала любимого дитя, позволяя многие вольности. У отца не было возможности контролировать поведение отпрыска. А тут оказалось, что юноша с компанией учинил пьяный погром в одном из ресторанов города. Так отдубасил хозяина кабака, что бедняга с побоями угодил на пару недель в больничный стационар. Причиной тому послужило то, что владелец заведения призвал шумную компанию либо покинуть помещение, либо вести себя соответственно в общественном месте. В общем, всё заведение было перевёрнуто вверх дном.

Немедленно сторонники Хестанова, воспользовавшись подвернувшимся случаем, дали ход неприглядной истории. В местной прессе был раздут скандал, с целью опорочить мэра. Порядком пришлось нам тогда всей командой понервничать, пока удалось замять конфликт. В итоге, как ни старалась конкурирующая сторона, а владелец ресторана забрал своё заявление из милиции и заявил, что в случившемся недоразумении сам виноват и претензий к обидчику не имеет. Какие тут могут быть претензии, когда ресторан не просто восстановили, но хозяину, кроме щедрого возмещения понесённых всевозможных издержек, предоставили такие серьёзные преференции в бизнесе, что тот рад был бы, чтоб его ещё разок так поколотили. Хестанов же опять остался с носом.

Ещё толком не улеглись страсти, когда Мурат решил сделать внушение сыну. Дома застать дебошира не удалось. Пришлось мне пуститься на розыски Казбека. Настиг его на каком-то турнире боксёров, проходившем в школьном спортивном зале посёлка Отрадное. Осталось подождать, пока наш боец закончит поединок. Ох и не сладко пришлось его противнику! Отделал его Казбек так, что к концу третьего раунда тот с трудом разлеплял распухшие полиловевшие веки, а кровью из разбитой брови была измазана не только физиономия, но и спереди вся майка с грозным изображением оскаленной волчьей пасти. Бедняга к концу боя так ослаб, что безвольно виснул на сопернике, цепко сковывая его активность. Только это и помогло проигравшему избежать нокаута.

Зал неистовствовал, поддерживая кумира. Любовь почитателей была столь очевидной, что я невольно поддался всеобщему ликованию.

– Ты был великолепен! – с восхищением я выразил своё почтение мастеру кулачных ристалищ, встретив его после принятия душа в раздевалке. – Меня отец за тобой отправил. Поехали, он ждёт.

Тень недовольства, будто чёрная кошка, прошмыгнувшая в подворотню, едва заметно проскользнула по красивому лицу Казбека. Очевидно было, что он догадывается для чего понадобился отцу и это крайне его раздражало.

– Нотации папаша будет читать? – на всякий случай уточнил у меня юнец.

Я попытался сгладить остроту ситуации взвешенным суждением:

– Ты, конечно, Казбек, уже вполне взрослый парень и должен отдавать отчёт своим поступкам. Я ни в коем случае не собираюсь тебя учить уму-разуму. Но отец твой занимает ответственный пост и всегда на виду перед людьми. Ты должен это учитывать.

– Ладно, я сам разберусь со своими проблемами, – резко оборвал разговор Казбек, демонстративно отвернувшись к окну. Он не собирался выслушивать осуждений в свой адрес. До самой мэрии больше не проронил ни слова. Так и сидели мы с ним молча в кабине на заднем сиденье, пока служебная «Волга» не замерла на площадке перед широким лестничным маршем парадного входа.

Легко, без видимого усилия, Казбек в один миг взлетел по ступеням вверх, оставив меня позади, сам скрылся за входной дверью. Когда я, изрядно запыхавшись, добрался до апартаментов шефа, там всюду развернулась битва титанов. А иначе и не назовёшь то событие.

Мурат аршинными шагами, с напористостью носорога, бороздил обширные просторы кабинета. Пятерня его с такой резкостью металась в пространстве, что казалось удивительным, почему не раздаётся свист, как от рассекающей воздух сабли. Казбек, расставив ноги, как в боевой стойке на ринге, расположился поодаль, возле крайнего от двери окна, и, сложив мускулистые руки на груди, всей атлетической фигурой выражал решительный протест любой попытке насилия над своей личностью.

– ...ты совсем распустился, сынок. Я в твои годы вообще не увлекался алкоголем, – со страдающей миной на лице, увещевал скандалиста Мурат.

– Ты отстал от жизни, отец. Нормы «Домостроя» не актуальны сегодня, – горячо вразумлял родителя дерзкий отрок. – Свобода личности в современном обществе является наивысшей демократической ценностью.

– Я не посягаю на твою свободу. Но она должна заканчиваться там, где начинается ущемление прав другой личности. Кроме того, ты дал повод моим недругам почувствовать себя вправе задавать мне щекотливые вопросы. Ты поставил своей необдуманной выходкой родного отца в неловкое положение.

– Я-то здесь причём? – искренне недоумевал легкомысленный кутила. – Каждый в этом мире отвечает за себя. Ты, наверное, забыл, что я уже вырос из ползунков.

– По поступкам вовсе не скажешь, что ты оперился. Знаешь, в какую копеечку мне влетели твои похождения?

– Ах, ты уже попрекаешь меня деньгами! – полез в бутылку мот. – Я не просил платить тому придурку за разгромленный ресторан. Стоило мне только бросить клич, как поклонники завалили бы баблом пострадавшего. Так что, не считай себя моим благодетелем.

– Вот ты как заговорил! С родительским мнением не считаешься.

Но строптивец уже подхватил вирус куража и, будто ему в штаны плеснули вдруг ковш кипятка, резко отшатнулся от оконного проёма. Лицо исказила яростная гримаса и он решительной походкой ринулся к выходу, зло бросив через плечо:

– Тоже мне воспитатель выискался, блин. Где ты был, пока я поперёк кровати умещался?

С этими словами разгневанный баловень судьбы надменно покинул отцову вотчину, крепко хлопнув на прощанье дверью.

После затянувшегося мгновения молчания, Мурат, наконец, констатировал факт:

– Ну и характер!

И в этой фразе я вовсе не ощутил разочарования отца. Наоборот, как прожилки на кленовом листе, в ней отчётливо проступали гордые интонации за сына. А, впрочем, и сам я находился в плену обаяния нашего малыша. Сколько бы он ни шалил, я уверен, мы будем его покрывать, кто бы что там ни говорил.

* * *

С утра в пятницу на муниципальном телевидении организовали круглый стол для дискуссии, куда пригласили мэра Белой Башни на встречу с представителями трудовых коллективов, чтоб в прямом эфире он мог выслушать мнение народа и ответить на насущные вопросы.

Я подготовил для шефа необходимую статистику по городским делам: достижения народного хозяйства, проблемы ЖКХ, успехи в борьбе с негативными проявлениями и т. д. Янина тоже передала Мурату от себя внушительную папку с бумагами. К десяти, как и было намечено, мы втроем прибыли в информационный центр. Там уже ждали мэра. В «9-й студии» за длинным, как вокзальный перрон, столом под ослепительным светом софитов расположились четверо оппонентов Мурата: ведущий программы Валерий Кудухов, заслуженный учитель республики Венера Маргоева, прораб строительно-монтажного участка Артур Балаян и служащий базы нефтепродуктов Таймураз Джанаев.

До начала съёмки ведущий ознакомил приглашённых с перечнем вопросов, которые намеревался озвучить сегодня в эфире. Во избежание недоразумений оговорили порядок ведения дискуссии, на что ушло времени с добрую половину часа.

Затем прозвучала команда: мотор! И съёмка началась.

Мы с Яниной стояли с краю студии, за осветительной аппаратурой, и наблюдали поверх голов суетящихся работников съёмочной группы за тем, что происходит впереди за столом.

Мурат, как заправская кинозвезда, вёл себя естественно и раскованно, на вопросы отвечал свободно, сверяясь иногда в разложенных перед собой листах машинописного текста. Сказывался обретенный опыт в общении с представителями СМИ. Зато остальные гости «9-й студии» явно ощущали себя не в своей тарелке, что было заметно по напряжению на их лицах. Однако профессионализм ведущего помогал сглаживать натянутые моменты и достигать видимости натуральности встречи, благодаря чему процесс вскоре пошёл, как по накатанной колее. На лицах собеседников появились признаки живой заинтересованности в предмете обсуждения. И, наконец, представитель общеобразовательной системы решилась, задать долго вынашиваемый наболевший вопрос:

– Господин Кессаев, когда в нашей второй школе появится свой автобус для перевозки детей? Малышам из началки, живущим далеко от места учёбы, трудно добираться. По пути с ними уже не раз случались всякие неприятные происшествия. Они нередко опаздывают на занятия. Бывший мэр Хестанов всё обещал нам, но до сих пор не решена проблема. Вы не могли бы что-нибудь обнадёживающее сказать по этому поводу?

– Естественно, я не могу отвечать за нереализованные обещания предыдущей администрации. Тем более, что в связи с ограниченностью средств городского бюджета, в ближайшее время не предвидится возможность выкроить сумму для столь дорогостоящего приобретения.

Маргоева нетерпеливо перебила:

– Значит, нам не стоит надеяться?

Не теряя самообладания, мэр успокоил:

– Я делаю в блокноте себе пометку. И в ближайшее время определённо приму все меры, чтоб положительно решить ваш вопрос.

Ведущий вмешался:

– На прошлой неделе господин Хестанов давал интервью нашему каналу, и он по поводу затронутой сейчас темы высказался следующим образом. Он выхлопотал в республиканском казначействе фонды на приобретение транспортных средств не только в вашу школу, но и для городской больницы с управлением пожарной охраны. Когда в Белой Башне поменялся городской глава, финансисты решили перенаправить средства на другие нужды. То есть, воспользовались случаем смены городского руководства и отозвали прежнее своё решение. Вот и всё!

– Но уже не один год длится эта проблема и Хестанов не мог решить её, а теперь он говорит, будто бы договорился с финансистами. Мы сыты по горло его обещаниями. Господин

Кессаев, вы нам конкретно ответьте, когда будет у нас автобус? – более настойчиво потребовала ответа заслуженный работник образования.

– Я вижу, что проблема действительно серьёзная, – признал факт Мурат, – поэтому приложу максимум усилий, чтоб в ближайшее время закрыть этот вопрос.

– А мы в свою очередь проинформируем телезрителей, чем дело закончится в вашей школе, – пообещал Кудухов педагогу на публику.

– У меня есть вопрос к Артуру Тиграновичу. Можно? – обратился мэр к строителю.

– Конечно, конечно! – поспешил поощрить активность журналист.

– Так вот, – продолжил Кессаев. – Почему в посёлке Рубежный до сих пор не подведён водопровод? Население вынуждено бурить во дворах скважины, чтоб обеспечить насущную потребность в воде. Это в канун нового тысячелетия, когда весь мир внедряет в быт современные технологии, основанные на последних научных достижениях. Сколько лет ещё наши люди будут рыть колодцы?

– Там сложный рельеф местности с большими перепадами горизонтов, – принялся объяснять Балаян, неуютно ёрзая на месте. – К тому же структура грунта такова, что во многих местах приходится производить взрывные работы. А это затягивает срок исполнения заказа.

– Что вы мне морочите голову! В проекте все эти работы предусмотрены, определены конкретные сроки их исполнения. Мэрия исправно вам перечисляет деньги. Ещё два года назад вы должны были сдать госкомиссии объект. И теперь ссылаетесь на неизвестно откуда возникшие вдруг проблемы. Всё это звучит неубедительно. Ваш руководитель опять клянчит утвердить дополнительную смету расходов по водопроводу. Имейте ввиду, что больше вы ничего не получите.

– Как же тогда прикажете рабочим всё это объяснить? Чем они будут семьи свои кормить? – встав в позу, попытался прораб давить на жалость.

Но мэр оказался непреклонен в своём решении. Он прекрасно был осведомлён в сути дела, поэтому осадил ретивого борца за права трудящихся:

– Полгода уже на объекте не ведётся никаких действий. Там отсутствуют ваши работники. Однако мэрия исправно перечисляет вам деньги. Мне известно, что предназначенные для водопровода трубы вы перекинули на гидролизный завод и использовали по другому назначению. Строите теплотрассу, которая не предусмотрена в плане городского строительства. Я понимаю, что там вам гораздо выгоднее вести дела. Только учтите, если немедленно не восстановите прерванный монтаж на объекте, мэрия подаст рекламацию и заплатите большой штраф. А рабочим вашим пусть платят там, где их эксплуатируют в настоящее время.

– Вы же знаете, Мурат Черменович, я человек подневольный и лишь безропотно исполняю указания вышестоящего руководства, – дал задний ход Балаян, наворачивая кислую мину на физиономию.

– Вот и доведите до своего начальства во Владикавказе, чтоб озаботились исполнением заключённого контракта. Объясните им, что нас категорически не устраивает сложившееся положение дел.

Сидевший до сего момента безучастно к происходящей дискуссии Джанаев, неожиданно оживился и тоже выказал претензии к строителю:

– Вы и к нам на нефтебазу уже который год теплотрассу монтируете. Поймите, что в зимнее время загустевшие нефтепродукты с трудом откачивают насосы и от перегрева в них потом горит обмотка, отчего они преждевременно выходят из строя. Много средств уходит на их замену. Нам, как хлеб, необходимо как можно скорее подвести отопление к резервуарам. Сколько ещё будете водить за нос?

– Я поставлю этот вопрос перед руководством, – смиренно пообещал затюканный оппонентами прораб, окончательно придавленный фактами.

– Э-э-э, нет! Объективно, вы не исполняете взятых обязательств, а поэтому довожу до вашего сведения, что на последнем заседании дирекцией было принято решение расторгнуть контракт, заключённый с вашим управлением. Сумму неустойки, которую мы взыщем с вас, определит суд.

Балаян почувствовал, что ему реально грозит утрата столь прибыльного места. Если махинации станут достоянием начальства, его просто попрут прочь из организации. Поэтому ринулся с решительностью бросившегося грудью на амбразуру героя отстаивать личный интерес:

– Я вам объясню из-за чего происходит задержка по теплотрассе. Уверяю вас, что тут наше предприятие ни причём. Исключительно по вине поставщиков утеплительных материалов мы не укладываемся в сроки.

Кессаев и здесь проявил свою осведомлённость, ткнув изворотливого дельца в реальность:

– А вы бы не ждали, когда подвезут утеплитель, и продолжали монтаж трубопровода, тогда бы и не было к вам претензий. Утеплить трубу можно и позже.

– В принципе, я с вами согласен, – пошёл на попятную горе-строитель. – Каюсь, это моё упущение. В последнее время на участке добавилось новых объектов и чисто физически не успеваю за всем уследить.

– Не надо набирать много подрядов, раз не в состоянии справиться со всеми работами, – посоветовал мэр.

– Там, где дело касается личной выгоды, вы весьма расторопно действуете, – поставил на место волокитчика Джанаев, явно намекая на не оглашаемые сведения о неофициальных инициативах прораба.

Стараясь скорее замять невыгодный для себя разговор, Балаян, наподобие раскаявшегося осуждённого, принялся пылко терзаться угрызениями совести:

– Каюсь, соблазнили эти дельцы со спиртоперегонной платой по повышенному тарифу. Я и решил использовать возможность дать заработать своим людям. Сегодня же переброшу бригаду монтажников на теплотрассу. Можете больше не беспокоиться, работы будут продолжены. Хлебом клянусь!

– Хочу зачитать выдержку из обращения жителя посёлка Первомайского к мэру города Кессаеву, – вклинился ведущий в затянувшуюся перепалку, резко переведя беседу на другую тему. – Вот что он пишет. «У нас отменили льготы ветеранам войны и труда на проезд в городском транспорте. Такое пренебрежение к заслуженным труженикам не вызывает одобрения в народе. Призываю городскую администрацию рассмотреть данный вопрос и принять меры по исполнению федерального закона о праве на льготы отдельных категорий граждан...»

Мурат двусмысленной улыбкой дал понять Кудухову, что понимает откуда навеяло эту тему, и умело парировал брошенный на свою сторону мяч:

– Объясняю для тех, кто не в курсе. Мэрия прежде всегда платила дотацию автотранспортному предприятию, обслуживающему городские маршруты. Предыдущая администрация города эти средства задействовала, мягко говоря, не по назначению. А посему они не поступали транспортникам. Автобусный парк и так нерентабелен, тут ещё его лишили дотации. Директору автопредприятия и пришлось пойти на крайность и отменить бесплатное обслуживание льготников. Заложённую в городском бюджете статью расходов по исполнению дотации автобусному парку, в связи с нарушением мэрией финансовой дисциплины, из финансирования вычеркнули, там, на высшем республиканском уровне. Теперь, чтобы восстановить право льготного проезда, необходимо заново добиться открытия финансирования по данной статье расходов. От себя добавлю, но это уже не для ушей телезрителей и, надеюсь, редактор вырежет из сюжета эти мои слова. Было бы логичней с этим обращением жителю Первомайки напра-

виться к главе администрации своего посёлка, ведь это по его инициативе люди лишились льгот.

– Но Хестанов который год уже городом не командует, – ревностно вступился ведущий программы за всё ещё не выпускающего бразды власти экс-мэра. – Пора было бы и вам, господин Кессаев, навести должный порядок в ведомстве. Ходят слухи, будто ремонт федеральной автотрассы осуществлён с грубым нарушением технических нормативов. Вы не могли бы назвать причину, по которой виновный в нарушении владелец дорожно-строительной компании гражданин Тедеев до сих пор не предстал перед законом?

– Я не сторонник радикальных мер, – нисколько не смутившись резкостью поворота в поведении ведущего «9-й студии», как ни в чём не бывало, излагал свою линию Мурат. – Докладываю заинтересованным лицам, что с Тедеевым мною была проведена профилактическая беседа, после чего он не только возместил сумму нанесённого ущерба, но и щедро компенсировал моральные издержки мэрии значительным благотворительным взносом в городскую казну. Эти средства будут пушены на текущие цели.

Кудухов снова вернул дискуссию в прежнее русло, напомнив мэру:

– Ну и, возвращаясь к обращению жителя посёлка Первомайского, чем бы вы могли его порадовать?

– Порадовать – увы! – это громко сказано. Но обнадежить, пожалуй, могу. Делаю себе пометочку в блокноте, и обещаю заняться немедленно решением вопроса по исполнению льгот ветеранам. Действительно подобное недопустимое отношение к заслуженным людям компрометирует исполнительную власть. Буду добиваться, чтоб возобновили дотацию в автобусный парк, – закончил Мурат с проблемой льготного проезда.

Кудухов окинул оценивающим взглядом сидящих за столом. По-видимому, как гремучая змея, израсходовавшая последнюю порцию яда, он исчерпал предназначенный на сегодня арсенал приготовленных коварств. Без особого энтузиазма сторонник бывшего градоначальника обратился к приглашённым:

– Уважаемые гости, может у кого-то из вас есть вопросы к мэру? Предоставляю вам возможность обратиться напрямую к господину Кессаеву.

Учитель Маргоева отрицательно покачала головой. В принципе, она получила необходимый ответ на животрепещущий вопрос. А на большее руководство школы её не уполномочило. Прорабу Балаяну было совсем не до того, чтобы донимать кого-то излишней риторикой. Ему не терпелось поскорее смыться отсюда и заняться обозначившейся у самого серьёзной проблемой. Только работник нефтебазы Джанаев напоследок изъявил желание развеять сомнения по поводу слухов о якобы предстоящем преобразовании их предприятия из муниципального в акционерное общество:

– Хотелось бы узнать наверняка, Мурат Черменович, к чему коллективу готовиться?

В щекотливой теме мэр не оставил никаких надежд предприимчивым деятелям, пославшим своего человека прощупать почву на предмет приватизации такого лакомого объекта, как городское хранилище горюче-смазочных продуктов:

– На этот счёт пусть никто не строит иллюзий, отхватить не удастся принадлежащий городу объект. Предупреждаю со всей ответственностью, что при любой попытке поползновений со стороны всевозможных корыстолюбцев, приму самые решительные меры.

Этим острая дискуссия за круглым столом завершилась. Дальше поговорили о несущественном. Мурат выразил признательность за приглашение на эфир и поблагодарил партнёров за участие в разговоре, после этого мы втрём покинули городской информационный центр. Коротышка взнуздal своего железного коня, и понёс нас в лоно текущего быта решать возникающие, как грибы после дождичка из-под земли, насущные проблемы. Ничего тут не попишешь, коли взялся за гуж, поздно говорить, что не дуж!

* * *

Пока я прособирался в поездку к матери, начало смеркаться. Доехав до развилки, где дорога расходится на две ветви: одна ведёт в сторону Алагира, вторая – во Владикавказ, включил ближний свет фар. Только повернул в сторону республиканской столицы, как световой луч выхватил на обочине одинокую женскую фигуру в плаще с поднятым капюшоном. Женщина порывисто кинулась к краю проезжей части и принялась активно махать рукой, призывая меня остановиться.

– Кажется, молодая, – рассудил я про себя, нажимая на тормоз. – Почему бы не подвезти. Не скучно будет ехать. С добрым попутчиком всегда путь короче.

Тем временем незнакомка расторопно приблизилась спереди к машине с пассажирской стороны и, приоткрыв дверь, слегка надрывным грудным голосом с пробивающимися нотками волнения, осведомилась:

– Вы куда едете, молодой человек?

– В сторону Владикавказа, а точнее – в Колонку.

– Ой, какая удача! У меня мама заболела во Владикавказе. Вы не могли бы меня по пути захватить с собой?

– Присаживайтесь, пожалуйста! – я любезно сделал соответствующий жест рукой, приглашая располагаться внутри.

Женщина с готовностью приняла приглашение и поспешно устроилась на переднем сиденье, придерживая одной рукой капюшон так, что мне толком не удалось разглядеть её лица.

– Не хочет, чтобы посторонний видел её заплаканный лик, – догадался я и внимательнее прильнул взором к лобовому стеклу, дабы понапрасну не смущать пассажирку, которая тем временем совсем отвернулась к окну. Я понял, что душевное состояние попутчицы, видимо, таково, что ей не до бесед с незнакомыми людьми. Она непрерывно прикладывала носовой платок к лицу и тихонько шмыгала, как при насморке. Так мы и ехали в молчании.

Изредка из темноты в свете фар проносились встречные автомобили. На поворотах луч то выхватывал фрагменты горного склона, возносящегося стеной к усыпанному звёздным жемчугом небу, то терялся в мрачной пустоте чёрного пространства, начинающегося за обочинной, которая обрывалась пропастью. Сама дорога в этих местах довольно узкая, с крутыми уклонами и поворотами. Местами настолько близко сходятся встречные машины, что одно неверное движение может привести к трагедии. Поэтому от водителя здесь требуется исключительная концентрация внимания. Опустившийся мрак усугублял положение, ночные тени враждебно хмурились и приходилось с усиленным напряжением управлять «девяткой». В туннеле света я различал массивные очертания гор впереди по курсу, которым, казалось, не будет конца. Уже порядочное расстояние отделяло меня от Белой Башни, когда появился сзади какой-то лихач. Он поморгал фарами, требуя, чтобы я уступил дорогу.

– Что ж, если жизнь не дорога, пусть гонит вперёд сломя голову, – решил я, осторожно прижимая своё транспортное средство к краю проезжей части.

Задний автомобиль пошёл на обгон и, когда поравнялся со мной, из раскрытого бокового окна высунулась рука, и её невидимый в темноте обладатель требовательно замахал, чтобы я остановился. В последние годы только и слышно кругом о разбоях на дорогах, особенно в ночное время. У частных таким образом бандиты отбирают колёсную собственность, нередко и прикончив при этом владельца. Ни в коем случае не следовало подчиняться требованию подозрительных незнакомцев. И я, мгновенно среагировав, стал действовать по обстановке: призвав на помощь всех святых, изо всех сил нажал на педаль акселератора, чтобы не дать себя обогнать. Но и преследователи не собирались уступать право первенства на дороге. Мы двигались вровень, заняв всю ширину дорожного полотна. На одном из поворотов я сделал такой опасный маневр, вытеснив наглеца к самой обочине, что тот одной стороной съехал колёсами с асфальта, чуть не сорвавшись в пропасть. Однако, это, видимо, лишь раззадорило преследователей, и их автомобиль продолжал двигаться по встречной полосе рядом с моей «девяткой»,

постепенно выдвигаясь вперёд. Их иномарка явно превосходила техническими характеристиками продукт нашего отечественного автомобилестроения. Я вынужден был с сожалением про себя констатировать, что решительно проигрываю в гонке. Вот сейчас меня обойдут и, преградив дорогу своим «бумером», вынудят остановиться. Чем всё закончится – одному богу известно. «Что станет с молодой попутчицей – страшно представить!» – терзала ужасающая мысль. Чувство отчаяния от бессилия стало заполнять изнутри.

И не зря ведь говорят: человек – предполагает, а бог – располагает!.. Вот и в моём случае незримые силы вмешались, на моё счастье, в процесс. Всё произошло настолько неожиданно, что мне оставалось лишь воспользоваться моментом в свою пользу. В общем, неожиданно из-за поворота вывернул навстречу нам грузовик. Столкновение с многотонной громадиной не сулило ничего хорошего движущемуся по встречке БМВ, и мои преследователи вынуждены были резко затормозить, во избежание столкновения. Я тут же воспользовался ситуацией, обернув всё в свою пользу. Так мне удалось вырваться вперёд, после чего я занял центр проезжей части и, отчаянно маневрируя, больше не позволял обогнать себя. Выступивший на лбу холодный пот стал высыхать. Только я, было, успокоился, как почувствовал справа уткнувшийся вдруг в бок твёрдый предмет. Не осознавая ещё нависшей опасности, повернул голову в сторону попутчицы. И в тот же миг получил ощутимого тумака в скулу.

– Вперёд смотри, лох. Не отвлекайся, – со стальными нотками в голосе, произнесла девица, сунув пистолет мне под нос.

– Вляпался, дурачина, – пронеслось сквозняком в голове. – Нечего было корчить из себя благодетеля. Сколько раз ведь предупреждали не подбирать незнакомых попутчиков...

– Сейчас за поворотом съедешь на грунтовку, – приказала бандитка.

У меня не оставалось выбора и пришлось повиноваться. За нами следом свернул преследующий автомобиль. Я остановил машину по требованию своего конвоира в юбке. Она тут же из дамской сумочки достала чехол из мешковины и напялила мне на голову. Тут, как раз, подоспели её поделники. Меня грубо выволокли за шиворот наружу, защёлкнули наручники на запястьях, обжёгшие холодом кожу, и отвели в сторону от моей колёсной собственности. Кто-то больно подталкивал жёсткой рукой в спину. Я шёл, спотыкаясь, как слепец, не видя ничего вокруг из-за надетой на голову мешковины.

– Стой здесь, Шумахер, и не двигайся, – рявкнул грубый голос над ухом.

Бандюган обшарил мои карманы и оттуда извлёк бумажник с деньгами и документами. Недалеко за спиной раздавались голоса грабителей. Там решали, как поступить со мной и доставшимся им трофеем. Вдруг сзади наступила тишина. Потом приглушённый хриплый голос глухо произнёс неожиданную фразу, от которой разом пересохло в гортани. В ночной тишине открытого пространства, да ещё при обострившихся опасностью органах чувств, я совершенно отчётливо расслышал:

– Он из команды Кессаева...

Наступил затянувшийся миг молчания, и другой голос, немного погодя, с начальствующими интонациями распорядился:

– Его надо отпускать.

Послышались тяжёлые шаги. Кто-то приблизился снова ко мне и уже без грубости освободил мои руки от стальных браслетов. Без злобы, а скорее растерянно, невидимый налётчик промолвил, обращаясь ко мне:

– Ты, это... минут пять не оборачивайся. Постой так, пока мы уедем. И извини, брат, мы не хотели тебя обидеть.

В темноте сзади хлопнули автомобильные дверцы, взревел мотор чужого авто и звук удаляющейся легковушки скоро растворился в окружающем безмолвии ночи. Я постоял ещё некоторое время, прислушиваясь, затем сорвал с себя мешковину и оглянулся. Мой

ВАЗ-2109 стоял на том месте, где я его оставил. Приблизившись, открыл дверцу. На водительском сиденье лежал мой портмоне. Проверил, все документы и деньги оказались на месте.

– Ничего себе, честные разбойнички! – невольно восхитился я порядочности налётчиков. – Оказывается, наш Мурат у них в чести. Приеду, расскажу, вот будет потеха!

До того, как сесть за руль, под стрекотание кузнечиков, выкурил сигарету. Только после этого завёл каракатицу, как любовно называл свою «девятку», и продолжил путь к маме на день рождения. Больше никаких приключений не выпало в дороге.

Глубокая ночь распростёрла крыла, когда дорожный указатель, распределяющий автомобильный поток, как шлюз на канале, вычленил нужное направление, и я вкатился прямоком в Колонку. Машину стало нещадно подбрасывать на колдобинах, будто с времён давно отгрохотавшей здесь войны всё никак не могут коммунальные службы устранить последствия бомбёжек. Сколько себя помню, всегда эта дорога была такой, даже после того, как по ней пройдёт асфальтоукладчик, оставляя за собой дымящуюся чёрную полосу свеженаложенного слоя, который через несколько дней покрывался, словно трофическими язвами, свежими ржавыми рытвинами. Возможно виной тому грузовики, срезающие здесь путь по дороге в карьер, травмирующие дорожное полотно своей перегруженной массой. А может, действует природная аномалия или inferнальные силы демонстрируют подлость свою. Но, скорее всего, и в этом месте задействован всё тот же пресловутый человеческий фактор, когда причина заключена в самом обычном нашем раздолбайстве и природной безалаберности. Недобросовестное отношение к работе поистине бич наших людей. Ещё известный классик, помнится, сетовал на дураков и плохие дороги. Так с тех времён ничего и не изменилось.

Сам посёлок находится в пригороде Владикавказа и при дневном свете выглядит весьма привлекательно. Утопает в садах и радует глаз обилием фешенебельных строений. Особенно та его часть, где обустроились люди, пребывающие не в пасынках у фортуны. Тут свили уютные гнёздышки руководители предприятий, учёная интеллигенция, чины всевозможных государственных ведомств. Не пойму, как моей матушке удалось внедриться в столь блистательное общество. Хотя учителя проживают и в этом роскошном уголке, но только лишь те, у которых супруги успешно распределились в сей жизни. Я как-то спросил мамашу об этом. Она туманно заверила, будто раньше не было той дороговизны, в которую нынешняя экономика ввергла страну. Только почему тогда Валентина до сих пор копит деньги на мечту всей жизни – собственное жилище, и сама всё ютится в убогой комнатухе ведомственной «хрущёвки»? Чудны дела твои, господи!

Согласен, что дом матери благолепием и размерами не идёт ни в какое сравнение с теми помпезными, что его окружают, но вписывается довольно естественно в окружающий ландшафт и вовсе не выглядит здесь инородным телом. За аккуратным частоколом забора легковесно возносится над пышной кипенью сада перекрытие мансарды с грациозным балкончиком, увенчанное резным карнизом и изящным коньком в виде бегущего оленя.

Между собой жители посёлка этот район прозвали аристократическим. А какие, к чертям собачьим, мы с матерью аристократы? Живём от аванса до зарплаты. Другие тоже так живут, но почему-то не у всех удачно получается. Люди во все времена делились на бедных и богатых. Были уже эксперименты, когда богатеев лишали их состояния и распределяли среди бедноты. Только это ни к чему не привело: вскоре оказывалось, что бедные снова нищали, а капитал перекочёвывал к прежним хозяевам. Ничего не поделаешь: судьба!

Приятно, конечно, осознавать, что мы с маменькой хоть и не относимся к толстосумам, однако и в нужду не впали. По своему достатку, вероятно, нас можно причислить к среднему классу. Да хоть бы и так, главное, что на жизнь вполне хватает.

Ну, вот и знакомая улица в апофеозе ночного освещения. У каждого фонаря копошащая борода мошкары. Пятые слева наши ворота.

В доме не горит свет. Я осторожно загоняю машину во двор и поднимаюсь на крыльцо. Мать, не дождавшись меня, видимо решила, что приеду в субботу утром, и улеглась спать. Тихонько, чтобы её не будить, открыл вторым ключом двери и пробрался в свою комнату на втором этаже.

Последней мыслью, прежде, чем погрузился в сон, была: вот тебе и – с добрым попутчиком путь короче!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

С матерью у Сергея отношения сложились непростые. Виной тому извечный конфликт родителей и детей. Дело усугублялось тем, что сын не знал отеческой заботы. Мать его – по натуре своей убеждённая феминистка, на мужчин смотрела с презрением. Хотя на собственное чадо такое отношение не распространялось, она любила его и окружила искренней материнской привязанностью, ведь вынашивала этот плод давешней молодой любви положенный срок, в мучениях воспроизвела миру, затем, вырастила для самостоятельной взрослой жизни. Когда дитя подросло, между ними стали намечаться принципиальные разногласия. Ребёнок не желал, например, заниматься музыкой по настоянию матери, а всё свободное время проводил бы за игрой в футбол со сверстниками. Мать, естественно, подобной блажи не одобряла. На этой почве у них не раз вспыхивали ссоры. Так Сергей постепенно замыкался в себе, всё более накапливая от матери секреты. Зинаида мечтала сделать из сына человека интеллигентного и образованного, поэтому прививала любовь к книгам. И надо отдать ей должное, тот с самого детства буквально поглощал их в невероятных количествах. Так что, к пятому классу мальчик был подкован не менее десятиклассника, в смысле развития кругозора. На уроках в общеобразовательной школе он порой ставил в неловкое положение учителей своей осведомлённостью, выходящей за рамки школьной программы.

Разногласия в семье особенно проявились, когда сын достиг подросткового возраста. Его стали интересовать особы противоположного пола, а с матерью ведь не поделишься интимными подробностями по поводу сей деликатной темы. И стали ему авторитетами старшие уличные знатоки да литературные герои.

Мать понимала, что со временем теряет контроль над сыном, но поделаться с этим ничего не могла. Не помогало даже знание психологии. По сути она сама существовала в иллюзорном мире художественных персонажей, где по роду своей профессиональной деятельности давно обитала, погружённая туда с головой. И чтоб хоть как-то быть в курсе пристрастий родного чада, она затевала познавательные экскурсии в мир вымышленных писательским воображением образов. Несмотря на то, что ребёнок давно повзрослел, она его по-прежнему воспринимала малышом.

В очередной приезд Сергея в лоно материнской обители, Зинаида устраивала привычный контрольный опрос:

– Серёженька, ты помнишь, как Наташа Ростова впервые попала на бал, и какие возвышенные чувства испытывала к Андрею Болконскому, танцуя с ним?

– Мама, я далёк от девичьей сентиментальности и мне гораздо интересней и понятней внутренний мир мужских персонажей, – обозначал сын свою позицию.

– Конечно, конечно! Я всё понимаю и герой Николая Островского тебе ближе по гендерной принадлежности. Его сочный типаж привлекает пассионарностью и самоотверженностью. Павка Корчагин готов на самопожертвование ради принятых идеалов. Пусть даже если они и утопические. Его гражданская позиция заслуженно вызывает уважение и в стане врагов.

Со вздохом, будто умудрённый опытом старожил, объясняющий молодому обитателю природу древних тектонических нагромождений на местности, Сергей объяснял матери:

– При чём здесь Корчагин? У него всё понятно с выбором жизненных ориентиров. А вот каково почувствовать себя на месте Фёдора Раскольниковца?

– Боже мой! – ужасалась Зинаида. – Сыночек, неужели внутренний конфликт в тебе достиг столь значительной глубины?

– Что ты, мама, вообразила себе. Старуху зарубать топором я пока не готов. Но сам процесс падения моральных принципов в человеке приковывает внимание трагичной откровен-

ностью. Любопытно же познать, как деградирует личность при определённых обстоятельствах. Может когда-нибудь и согдится подобный опыт.

– Совсем не понимаю мужчин. Что может привлекать в духовном падении какого-то запутавшегося в жизненных коллизиях субъекта? Прохиндей Чичиков или, там, фонвизинский Митрофанушка, при всей своей порочности и личностном разложении, хоть не впали в такую крайность, как душегубство. Они куда привлекательней выглядят.

– Ну какие там Митрофанушки, когда эпоха определяет нравственный облик поколения. Наше время насыщено цинизмом, невежеством и социальным неравенством. От того и все беды.

– Ты хочешь сказать, что героем нашего времени стал Вито Корлеоне? – округлила испуганно глаза Зинаида. – Сейчас только и слышно об этой фигуре, ставшей поистине в нашем обществе культовой. Даже в педагогическом коллективе спорят о противоречивости этого характера.

– А что в нём противоречивого?

– Ну как же? Он бандит. Идёт на всякие преступные ухищрения ради блага семьи. Вплоть до убийства. У него извращённое понятие о чести и человеческом достоинстве. Неужели и ты восхищаешься таким героем?

– Пожалуй, мне ближе Майкл Корлеоне, – подумав с минуту, немного успокоил мать Сергей. – Майкл долго не принимает стиль жизни отца. Но тут надо понимать психологию сицилийца, воспитанного на традиции семейного преобладания. Возникшая угроза существованию семейства сплачивает его с сородичами, и он занимает в клане место отца.

– Но ты-то не преступишь государственные интересы ради семейного благополучия, ведь правда же?

– Ты права. Как можно! Мы ведь воспитаны на образе Тараса Бульбы. Родного сына убьём за отступничество от принятых идеалов. Только вопрос в том, кто определил нам эти самые идеалы? Этак и перебили в Гражданскую полстраны несогласных. Теперь вот нового идола превозносим.

– Кого ты имеешь в виду, сыночка?

– Я говорю о Солженицыне с его «Архипелагом ГУЛАГ». Как тут не запутаться с идеалами, когда государственная идеология бросается из крайности в крайность. Строили лучшее на земле коммунистическое общество и, не достроив, бросились вдруг сломя голову всё крушить, чтоб на развалинах возвести нечто совершенно экзотическое для нас – страну потребителей. Только потреблять придётся чужие продукты, ибо свои не на чем производить – все орудия производства подчистую уничтожили.

– Ещё Конфуций говаривал: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен!» Так что же ты хочешь? Страна ищет свой путь развития, поэтому метания неизбежны. Однако есть общечеловеческие ценности, которым надо следовать.

– Я знаю. Эти ценности ещё два тысячелетия назад были определены и записаны в Библии. И здесь никто с тех пор не открыл ничего нового...

Мать безнадежно существовала в мире художественных образов. Они заслоняли ей, как стена соседского сарая перед окном, вид на бытующую реальность. Мифы безраздельно определяли образ её жизни. Женщина, пребывая в виртуальной реальности, словно сказочная фея, мечтала по своему желанию в один миг сделать окружающий мир прекрасным. По сути, она добилась этой иллюзии в своём сознании. Так Зинаида удобно обустроила себе место в этой жизни.

Сергей отнюдь не искал убежища в мифах. Он предпочитал реальность как она есть, и не рассчитывал на реализацию грёз. Особенно тех, которые сам напридумывал. Поэтому ему всегда импонировали личности, вроде Кессаева, которые были способны осуществить собственные фантазии. Величие человека тем и измеряется, насколько ему удалось воплотить

однажды задуманную мечту. Когда эта мечта делается достоянием общества и масса её принимает, то триумфатор становится достоин поклонения. Мурат своим туристическим проектом БАЛИ жаждет осчастливить население и внести вклад в государственное устройство. В этом его желания созвучны с чаяниями большинства. Поэтому за ним сила масс. Сергей испытывал удовлетворение от причастности к столь благородной миссии, с которой обретается в мире его духовный вдохновитель и по совместительству патрон.

Только близкие, в частности, мать с Валентиной, не понимали привязанности их Серёжи к невежественному, по их мнению, сельскому выскочке, задумавшему подмять под себя культурный пласт образованных людей своего города.

– Ты только почитай, Сергунька, что пишут газеты о твоём благодетеле! – показывала Зинаида на стопу прессы, сложенную на журнальном столике.

– Не называй меня этим уменьшительным прозвищем, – злился сын на своеобразное проявление материнского чувства. – А Кессаев не нуждается в умилении на его действия всей этой журналистской камарильи. Что изменится от того, если вдруг они станут поливать его елеем? Принципиально – абсолютно ничего. Те, кто не способны на свершения, но имеют положение и связи, из зависти, что не достигли в своей деятельности результатов, гадят как могут, политическому противнику. И что здесь нелогичного?

– Как ты не поймёшь, он же типичный популист, снискавший симпатию народа пустыми лозунгами, которые никогда не осуществит.

– Ты не знаешь его. Мурат если что задумал, то на пути своём разобьёт головы всем недоброжелателям. А эти чистоплюи, вроде Хестанова, только и способны набивать собственные карманы. Создали себе удобную вотчину на наворованные у своего же народа средства и возомнили, будто осчастливили своим пребыванием нацию. Лично я бы всех их поганой метлой вымел отсюда прочь, чтоб не путались под ногами.

– Ты становишься совершенно несносен, мой мальчик, – сокрушалась мать, ощутив глубину педагогической запущенности в характере сына. – Сказывается пагубное влияние на тебя этого Кессаева. Тебе срочно надо с ним расстаться. Возвращайся домой, я подыщу тебе здесь приличную работу. Не надо больше заниматься политикой.

– Я без посторонней помощи всегда найду себе работу. И рад был бы не заниматься политикой, но социальная деятельность так тесно переплетена с политической, что их никак не разделить.

– Поэтому я изначально не хотела, чтоб ты занимался журналистикой. В газете нечего делать порядочному человеку.

– Мама, да брось ты оплакивать мою пропащую душу. Я далеко не ангел. И те, кто привыкли повелевать судьбами людскими, тоже совсем не святые угодники. Мало того, что своими бредовыми идеями построить для всех на земле коммунизм, довели страну до распада, теперь охаивают собственные идеалы. Они же вероотступники. Вчера были заядлыми коммунистами – сегодня все стали матёрыми демократами. поголовно из атеистов обернулись в добропорядочных христиан, и истово осеняют себя святым знаменем под церковными сводами, куда раньше не совались ни ногой. Давай больше не возвращаться к этой теме. Я сам разберусь со своими друзьями.

Женщина осеклась на полуслове, удручённая поведением взрослого сына:

– Ну, вот и поговорили!

– Ты забываешь, что я давно не ребёнок и не буду жить под чужой диктат. Я приезжаю, чтоб поприветствовать тебя, справиться о здоровье. А ты начинаешь навязывать свой образ мыслей. Мне это неприятно. Давай лучше поговорим о чём-нибудь таком, что нас объединяет. Что-то давно мы не рассматривали наш семейный альбом. Давай-ка его полистаем.

Хозяйка дома вдруг спохватилась и, как заботливая квочка над кладкой яиц, спугнутая с места лисицей, заметалась по комнате от комода к книжному шкафу, суетливо вспоми-

ная куда засунула семейную реликвию. Наконец достала из антресолей пухлую папку альбома и расположилась с ним на коленях на диване подле сына:

– ... а это тебе здесь три с половиной годика. Посмотри какой серьёзный. Это потому, что я разрешила завести щенка и ты его целыми днями воспитывал.

Сергей перевернул следующую страницу и там обратил внимание на фото молодой девицы в кружевной шали. То была старшая сестра матери Галина. У них отцы разные, но сёстры тесно дружили и не теряли связи, хоть и проживали вдали друг от друга. Галина так и обитала всю жизнь на Урале в городе Копейске. Временами они перезванивались или напоминали о себе почтовой весточкой ко дню рождения либо иной знаменательной дате. Однажды Сергей даже гостил у тётушки, только это было давно и недолго, когда закончил шестой класс.

– Мама, а почему тётя Галя никогда к нам в гости не приезжает? – поинтересовался Сергей.

– Так у них большое хозяйство: теплица, корова, свиньи, разная птица, собака. Огород тоже приличный – тридцать соток. И за всем нужен постоянный уход. Она даже отказалась от работы на производстве. У неё муж агроном в совхозе и хорошо зарабатывает.

Сергей ещё перевернул страницу. Взору предстал портретный оттиск молодого цветущего мужчины в косоворотке. Фотокарточка изрядно пожелтела от времени, но всё равно снимок передавал запечатлённое на лице Василия выражение гордости и сосредоточенности. Изпод сурово насупленных бровей смотрели уверенно и прямо умные глаза. Хоть ему в ту пору не было и тридцати, но в облике морщиной во лбу пролегла озабоченность рано возмужавшего человека. Сергей помнил, что на обратной стороне синими чернилами сделана надпись, предназначенная его умершей лет десять назад бабке Насте, выведенная любящей рукой: «Лучше вспомнить и взглянуть, чем взглянуть и вспомнить», и дальше – «Любимой Настюше от безутешно тоскующего в разлуке Василия». А снизу проставлена дата «15 мая 1938 года» и местопребывание – «город Рязань, Всероссийские курсы трактористов».

– Какое гордое выражение на лице, – обратил внимание Сергей, пристально вглядываясь в фотокарточку.

– Ему было от чего гордиться, – отозвалась Зинаида. – Ведь он был первым трактористом в Ольховке. А это в те времена считалось очень почётным, и выдвигали общим собранием лучших на эту вакансию. Колхоз имени Коминтерна отправил Василия в 1938 году обучаться на престижную профессию в Рязань на шестимесячные Всероссийские курсы трактористов. Он перед тем только что женился на твоей бабушке Насте.

– Да, я знаю, это первый муж бабуси.

– И она всю жизнь его любила, – продолжала мать пересказывать сыну давно известную в семье историю. Сергей не перебивал и, наверное, уже в сотый раз слушал. Это был своего рода ритуал приобщения молодого поколения к семейной хронике событий ушедшего времени. В юные лета сын не придавал, как и все дети, особого значения прошлому семьи. Однако с годами стал проявлять интерес, тем более, что не всё было понятным в их истории и некоторые белые страницы требовали заполнения недостающей информацией. В частности, с первым мужем бабы Насти случилась ужасная трагедия, о которой долго не принято было распространяться. Что поделаешь, времена были такие! За любое неосторожно сказанное слово человек запросто мог поплатиться долгими годами пребывания в лагере, а то и вообще жизнью. Особенно опасно было высказывать мнение при посторонних. Бедняга просто исчезал однажды. Так и за Василием приехали сотрудники НКВД ночью и забрали с собой. Даже не позволили ему напоследок обняться с женой и дочерью. Это случилось в сентябре тридцать девятого. Больше о нём ничего не было известно. За что взяли, на какой срок осудили, и вообще, куда он подевался? Баба Настя делала запросы в соответствующие органы, чтоб узнать дальнейшую судьбу супруга, но ей неизменно приходил ответ: указанный гражданин по нашему ведомству никогда не проходил...

Сергей вопрошающе поднял взгляд на мать и произнёс:

– Я помню деда Панкрата с тех пор, как гостил у бабушки Насти в Ольховке. Он тогда ещё жив был. Мне не понравился своим мрачным видом. От такого доброго слова не дождёшься. Как только баба Настя могла выбрать себе в мужья такой экземпляр?

– Ей особо выбрать не пришлось. Дело в том, что парторг в колхозе объявил Василия врагом народа, и на семью пало тяжёлое бремя. Такое клеймо накладывало презрение окружающих и ограничения со стороны государства. Члены семьи не могли, например, участвовать в выборах, не имели права слова на колхозных собраниях, их бессовестно обделяли во время распределения продуктов, полагавшихся на трудодни. В общем, много чего лишались. Поэтому подобных граждан называли лишенцами.

– Это я уже слышал. Но как бабе Насте подвернулся этот дед Панкрат?

– Так всегда был рядом. Он местный, сын мельника. У них во время коллективизации мельницу конфисковали и передали колхозу. Между прочим, каким образом их семья тогда избежала раскулачивания, для всех осталось загадкой. Тем не менее, Панкрат вступил в колхоз имени Коминтерна, и там подружил с Василием, который позже стал у них первым трактористом. Он взял к себе на трактор подручным Панкрата, и они до последнего, пока Василия не арестовали, трудились вместе. Вместе и свободное время проводили. А баба Настя была в ту пору первая красавица на селе. У них с Василием и зародилась любовь. Потом на их свадьбе Панкрат был дружкой жениха и свидетелем при регистрации брака в Сельсовете.

В тридцать восьмом Василий поженился, а в тридцать девятом его забрали. Тут-то Панкрат и проявил себя. Он всячески помогал оставшейся в одиночестве жене друга. Фактически с самого начала предлагал ей руку и сердце. Но Настя упорно дождалась любимого долгие годы и не отвечала взаимностью на предложения Панкрата. Когда началась Отечественная война, друга семьи забрали служить в Смерш. Говорил, что участвовал в боевых действиях. Только никогда не распространялся о своих боевых заслугах. Да он, собственно, был всегда замкнут и нелюдим. Служба не позволяла распускать язык. Уже после войны бабка Настя сдавалась и вышла замуж за Панкрата. Но так всю жизнь и продолжала любить своего Василия.

– А как погиб дед Панкрат? Ты не очень об этом рассказывала, – решил уточнить для себя в этот раз Сергей.

– В последние годы он служил старшиной в тюремной охране, и однажды в качестве начальника конвоя сопровождал партию осуждённых к месту отбывания наказания. Среди уголовников оказался особо опасный рецидивист, который совершил побег, убив одного из конвоиров и завладев его табельным оружием. Дед Панкрат бросился преследовать беглеца, и в перестрелке бандит смертельно ранил его. Пока разобрались в переполохе, раненый истёк кровью, поскольку у него пулей была перебита сонная артерия.

– Печальная история, – вздохнул Сергей. – Незавидные судьбы у обоих бабкиных мужей. И самой ей ведь несладко пришлось в жизни.

– Особенно во время войны, – напомнила Зинаида. – Я-то родилась на следующий год после победы над фашистской Германией, а, вот, Галине в детстве перепало испытаний. От недоедания она до самого замужества малокровием страдала.

– Зато потом так расцвела, что в дверь боком протискивается. Такая кубышка стала, – с иронией заметил племянш о тётке.

– Наголодалась в детстве, а после не могла себя сдерживать, – оправдывала Зинаида старшую сестру. – Мать рассказывала, как они выживали с Галиной. Выручило то, что мама владела навыками выделки шкур. Её отец был скорняком при царском режиме и из сыромятных ремней изготавливал сбрую для лошадей. Во время войны техники на селе почти не осталось, и все работы производились с помощью конской упряжки. Гужевого транспорт заменил автомобильный. Снова стали востребованы скорняки. Кто-то вспомнил, что в Ольховке был специалист, владеющий скорняжным ремеслом, и однажды ночью в хату Насти явились два мужика.

На подводе они привезли ворох невыделанных воловьих шкур и умоляли наделать из них сыромятных ремней. «Совсем спасу нет, – горестно причитали чужаки, – измучились вязать узлами изодранную упряжь. Не откажи, голуба. Помним, как твой покойный родитель все окрестные деревни снабжал качественной продукцией. А мы с тобой за труды натуральным продуктом расплатимся!»

Мужики за работу привезли бочонок мёда, зерна пудов десять, да ещё дюжину гусиных тушек. С тех пор и из других деревень стали наведываться ночные гости. И приходилось бедной женщине день вкалывать на колхозной подёнщине, а по ночам вымачивать шкуры в дубильных и щелочных растворах, отскабливать с них мездру, затем, мять, чтобы обрели необходимую эластичность.

Один из былинных героев – Никита Кожемяка тоже был скорняком, и своей богатырской силой обязан столь трудоёмкому ремеслу. Чтобы размять воловью шкуру, действительно нужна недюжинная сила. А здесь молодая женщина вынуждена выполнять работу силача. Тем не менее, Настя обрабатывала шкуры, что и спасло её с дочерью от голодной смерти. К тому же, эти её ночные бдения являлись в такое тревожное время опасным промыслом. По законам военного времени сокрытие незаконно приобретённых доходов грозило самыми суровыми карами виновному. Стоило только какому-нибудь недоброжелателю сообщить куда следует о ночных визитах к соседке чужаков, как судьба не оставила бы Анастасии надежд на благоприятный исход. И знали ведь односельчане о подпольной деятельности Настюхи, ведь хотя бы по тем же отходам производства в виде содранной со шкур мездры, обрезков кож и использованных растворов, которые она тихонько носила в овраг и там прикапывала. Лисы и деревенские собаки раскапывали такие кучи и растаскивали кругом обрезки шкур и клочки шерсти. Женщина так и жила в постоянной тревоге и страхе перед опасностью, что выдадут рано или поздно её соседи. К счастью, так и не нашлось мерзавца, способного на подлый поступок.

Да, Сергей помнил изуродованные ревматизмом и непосильной работой руки бабы Насти. Её кисти были сплошь в лиловых венах и узловатых суставах. Эти костлявые руки столько, оказывается, вынесли испытаний, что не каждому мужчине такое под силу. После трагической гибели второго супруга, овдовевшая бабушка Настя перебралась к младшей дочери да так прожила в её доме до самой своей смерти.

– Действительно тяжёлая доля выпала нашей бабуле! – искренне посочувствовал внучек. – И я помню, как она до конца дней своих сокрушалась, что осталась неизвестной судьба её Василия.

Зинаида спохватилась:

– Скоро Родительский день. Надо сходить на кладбище и поправить могилку мамы, подкрасить крест.

– Сходим обязательно. Только я, вот, думаю, сейчас открывают секретные архивы, и много засекреченная информация становится достоянием гласности. Может быть, стоит попытаться счастье, сделав запрос по поводу установления судьбы пропавшего Василия?

– Мама так мечтала об этом. Жаль, не дожидая до нынешних времён. А давай, сыночка, попробуем. Ведь за спрос голову не снимут.

– Договорились! Мама, ты приготовь все анкетные данные на Василия, а я уже озабочусь составлением запроса и отправлю его по инстанциям. Чем чёрт не шутит, глядишь, и проясним, наконец, для себя болезненный вопрос.

* * *

Пока я нежился в постели, совершал утренний туалет, время придвинулось к обеду. Из кухни на первом этаже доносились аппетитные ароматы, бульканье чего-то кипящего и женские голоса.

– Валентина видимо пришла помочь подруге приготовить торжественный обед к юбилею. Как-никак пятьдесят лет – круглая дата, – подумал я.

Спустился вниз в халате, расчёсывая влажные после принятого душа волосы. Поприетствовал обеих женщин. Поздравил матушку с днём рождения. Преподнёс приготовленный подарок. Поболтали о том, о сём. Потом выпил кофе с булочкой. После этого решил немного прогуляться. Переоделся и отправился сделать лёгкий променад. Проходя мимо гостиной, обратил внимание на раздвинутый во всю длину и покрытый праздничной скатертью стол.

– Неужели будут гости? – удивился я про себя. – Так это не похоже на материнские принципы...

Оказывается, маманя кое-что затеяла. Она решила, что неплохо бы серьёзным образом вмешаться в судьбу сына. И для этой цели, как нельзя, кстати подошло семейное торжество. Ну, да ладно, – женщины по своей сути интриганки, всегда что-нибудь затевают.

Между тем, я прошёлся до пустыря в конце улицы. Помню, как в детстве мы здесь пацанами гоняли в футбол. Здесь же и к куреву приобщались, а также разбойные набеги организовывали на окрестные сады. Старшие ребята с подружками собирались вон у того поваленного дерева и пели под гитарный перебор всякие вульгарные песенки с ненормативной лексикой, стараясь при случае залезть девицам под юбку. Те визжали и, отпихиваясь мягкими ладошками, норовили ущипнуть или побольнее впитаться ногтями в предплечье нахала, однако домой не уходили.

Потом уже подросли мои сверстники и тоже тискали здесь одноклассниц. С замиранием сердца я сам на этом месте томился в ожидании Аллы. Связь времён не прерывалась никогда, и судить о том можно хотя бы по этим нашим проделкам юности. Теперь другие времена слагают собственные гимны. С крушением старой государственной системы сменились нравы. Больше детки не хотят уличных забав, все под родительским присмотром. Маньяки развелись кругом да террористы. Страшно опекунам беззащитными оставлять желторотых чад своих.

Я подошёл к месту молодёжной тусовки. От дерева остался лишь почерневший со временем и растрескавшийся ствол, от трухлявой внутренности которого несло сладковатым запахом плесени. Ветви с него сразу, когда дерево упало во время урагана, кто-то обрубил. А кора на нём долго оставалась нетронутой. Теперь уже годы перемололи её в труху. Сколько же лет этому дереву? Кажется, это была чинара. Поперёк я не смогу охватить её – рук не хватит. А сколько времени она мёртвой лежит здесь? Лет, уж, наверное, двадцать. С краёв начала осыпаться бурыми ручейками подгнивших опилок. Да, время не пощадило исполина: пришёл срок и ему.

Перед этим бревном всегда была вытоптанная в траве многими ногами площадка. Сейчас всё поросло зелёным ковром из луговой овсяницы вперемешку с хвощом и пыреем. Молодёжь стала не та, не собираются ныне ватаги, чтоб поиграть в казаки-разбойники. И девочки разбрелись по дискотекам да ночным клубам.

Я покурил ещё несколько минут возле бревна, затем бросил окурок под ноги и тщательно затоптал, чтоб ненароком трава не воспламенилась. Вытеснило время отсюда и радости, и печали, остались одни воспоминания, и тоска об ушедших днях. «Ну и нечего больше здесь делать, – с какой-то неистовостью сказал я самому себе, – не то ещё горько расплачусь. Лучше пойду, прогуляюсь до речки».

В сотне метров от пустыря есть удобное для купанья место. Там над тихой заводью могучий дуб вознёсся до небес раскидистой кроной. К его нижней ветви кто-то приладил тарзанку, с которой, раскачавшись, весело было прыгать в прохладную воду. Однажды я даже из-за очередности обладания канатом подрался с более старшим парнишкой с соседней улицы. Его звали Сивым из-за необычного цвета волос – этакая помесь седого с пепельным. Ох и накостылял он мне тогда! Потом парень в Афганистане погиб. Мать рассказывала, всем посёлком его хоронили в цинковом гробу под автоматный салют. Я в то время сам на службе был.

Вон она, та самая тарзанка. Нет, скорее, уже другая. Видно, что канат совсем свежий. Наверху, где привязан к дереву, совсем ещё не протёрся.

Я посидел на нагретом солнцем каменном валуне, напоминающем дремлющего гиппопотама на берегах Лимпопо. Закурил ещё сигарету. Хорошо было после купанья согреться о его отполированные ветром и мальчишескими телами бока. Весело и приятно здесь протекало время и, казалось, что вечно так будет. Только вечность совсем не костюм, облачившись в который, можешь пребывать в нём сколько угодно. Она подчиняет своим законам бесконечную тайну мироздания, меняя свойства веществ и ввергая космос в движение. Есть миг в потоке движенья и только им мы живём. Существование живых организмов есть форма изменения веществ. Так, мне кажется, жизнь реагирует на вечность.

Посидел на берегу, покурил. Взглянув на часы, понял, что пора возвращаться. Интересно кого там матушка пригласила на свой юбилей? А в доме уже раздавались посторонние голоса. О боже, и даже мужские! Как это старые феминистки решились на такое?

Оказалось, что нашу обитель посетила чета Лягушкиных – два милых воркующих голубка, над которыми не властно время, ибо обильно проступившая пегая седина в волосах вовсе не стала помехой их нежным отношениям. Они даже во время утренних пробежек находят возможность чмокнуть один другого в щёчку. Присели на диванчике в гостиной и не выпускают ладоней партнёра из рук. Чувство умиления всегда посещает, когда за ними наблюдаешь. Рушат пуританские нравы посёлка, но все привыкли к их неизбежной непосредственности.

Другая пара тоже обитатели нашего района. Это Троханы. Марья Гавриловна коллега моей матери. Миниатюрная аккуратная блондинка. Они работали в одной школе. Та и сейчас ещё там работает, поскольку лет на восемь моложе коллеги. Я не застал новую историчку, потому что к её приходу получил уже аттестат. Говорят, добрая учительница. Чего не скажешь о её муже. Сам Трохан из тех, кому пальца в рот не клади. Из партийной номенклатуры. В своё время крупным заводом руководил. Сейчас на заслуженном отдыхе. Честно сказать, его хоть запрягай в бурлацкие лямки – один гружёную баржу по Волге пойдёт. Дородный породистый мужчина. Помню сыночка их худосочного Илюшу. Занят всегда был. В наших мальчишеских играх никогда не участвовал. Промелькнёт бывало мимо нашей калитки со скрипочкой в футляре, только пискляво воскликнет «здрасьте!» маме моей, копошащейся с розами или гладиолусами в палисаднике. В Новосибирске теперь Илья Гордеевич директорствует в каком-то очень продвинутом НИИ.

Кроме перечисленных гостей, в уголке на краешке кресла примостилось, какое-то сплывшееся с небес вземное создание. В облике таится грусть непочатого одиночества. Почему непочатого? Да это сразу заметно по увядшему блеску в глазах. Фея явно задержалась в девках. Жажда замужества так и сочится из всех её пор. Девица, как я понял, приглашена в мою честь. Когда попросили располагаться за столом, и все принялись рассаживаться, меня усадили рядом с принцессой. Она жеманно млела, пока я наливал шампанское в её фужер. В общем, весь обед компания обсасывала леденцы ушедших дней. Мучительной пыткой всегда оборачивается, когда за одним столом усаживаются ровесники разных эпох.

Перед самым десертом беседа за столом несколько оживилась, когда именинница вместе с семейным альбомом откуда-то из антресолей извлекла мой старый пугач. С виду эта опасная детская забава напоминает дуэльный пистолет, вроде того, из которого Мартынов застрелил Лермонтова. Так же стальная трубка ствола прикреплена жестяными полосками к самодельному цевью из изогнутого деревянного обрезка. Гости с любопытством потянулись взглядами к занятому предмету. Мать незлобиво посетовала на то, какие проказы я позволял себе вытворять в безответственном возрасте.

Мне захотелось курить, и я поднялся со своего места. Проходя возле журнального столика, бросил взгляд на положенный туда матерью пугач. Это когда же она спрятала его от меня? По-моему, в восьмом классе тогда я учился. Надо же, сохранилась вещица! Захотелось подержать снова в руке грозный атрибут мальчишеских лет. Я захватил игрушку и с ней вышел на кухню, где Валентина готовила к торжественному выносу гостям приготовленный ею

шедевр – торт «Рыжик». Она мастерица выпекать вкусности. Меня часто баловала в детстве всякими кулинарными изысками.

– Серёжка, если будешь курить, то открой окно, – строго наказала мама-Валя. – Зина будет недовольна, если табачный запах впитается в обои.

– Кухня так пропитана ванилином, аж кружится голова, – огрызнулся я, но поднял шпингалет и толкнул от себя раму, раскрыв настежь оконную створку.

Прикурив от газовой конфорки сигарету, я сосредоточил внимание на пугаче. Принялся вертеть его со всех сторон, проверять прочность креплений, заглянул в ствол... и обомлел. Пугач оказался заряжен. В глубине ствола можно было разглядеть бумажный пыж. Ну да, точно! Отчётливо виден белеющий ком.

– И как столько лет опасная детская забава хранилась у матери в доме? – обеспокоенно засуетился я. – Её надо срочно разрядить!

Я выставил руку с опасным предметом в окно и приставил язычок пламени зажигалки к запальному отверстию пугача. Не знаю, может сера от спичек, которой заправлено оружие, со временем отсырела, только выстрела не последовало. Выковыривать её уже было невозможно – давно слежалась и превратилась в плотную массу. Да и опасно такой заряд извлекать механическим способом – запросто сдетонирует от трения. Знаю подобные случаи, когда отрывало неудачливому владельцу игрушки его же собственные пальцы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.